

МАСТЕРА ПСИХОЛОГИИ

Мелани Кляйн

ДЕТСКИЙ
ПСИХОАНАЛИЗ



Мастера психологии (Питер)

Мелани Кляйн

Детский психоанализ

«Питер»

1932

УДК 159.922.7
ББК 88.8

Кляйн М.

Детский психоанализ / М. Кляйн — «Питер», 1932 — (Мастера психологии (Питер))

ISBN 978-5-4461-1020-9

Мелани Кляйн последовательно прослеживает развитие ранних чувств и психических механизмов от рождения до подросткового возраста. В книге изложены базовые представления автора, что процессы интроекции и проекции начинаются в самом начале человеческой жизни; что из интернализованных объектов, с течением времени развивается «супер-эго» во всех его аспектах; что отношение к внешним и внутренним объектам, с которыми происходит взаимодействие начиная с первых младенческих дней, критически важны в плане влияния их и на развитие супер-эго, и на объектные отношения; на раннее зарождение Эдипова комплекса; что младенческие страхи и тревоги психотической природы, указывают на точки, отталкиваясь от которых возможно лечение психозов. Это издание будет интересно психологам, психоаналитикам, психотерапевтам и студентам гуманитарных направлений. В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 159.922.7
ББК 88.8

ISBN 978-5-4461-1020-9

© Кляйн М., 1932
© Питер, 1932

Содержание

Примечания к переводу нового издания[1]	6
Предисловие к первому изданию	8
Предисловие к третьему изданию[6]	10
Предисловие	12
Часть 1. Метод психоанализа ребенка	14
Глава 1. Психологические основы психоанализа ребенка[11]	14
Глава 2. Методика психоанализа детей ранних возрастов[31]	25
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Мелани Кляйн

Детский психоанализ

*Посвящается памяти Карла Абрахама с благодарностью и
восхищением*

© Melanie Klein Trust, 1932

First published as *The Psychoanalysis of Children* by Chatto & Windus, an imprint of Vintage.
Vintage is part of the Penguin Random House group of companies.

© Перевод на русский язык ООО Издательство «Питер», 2020

© Издание на русском языке, оформление ООО Издательство «Питер», 2020

© Серия «Мастера психологии», 2020

Примечания к переводу нового издания¹

Первое, переведенное Аликс Стрэчи (Alix Strachey)², английское издание книги Мелани Кляйн «Die Psychoanalyse des Kindes» вышло почти одновременно с оригинальной немецкой книгой в 1932 году. Госпожа Стрэчи обсуждала все тонкости перевода непосредственно с Мелани Кляйн, в результате чего на свет появился аутентичный английский вариант этой книги, который в дальнейшем послужил основой для переводов на другие языки, например французский.

Тем не менее между двумя версиями книги существуют определенные различия.

1. Некоторые несоответствия между ними могут объясняться только тем, что Мелани Кляйн позднее вносила изменения в свой оригинальный немецкоязычный текст – уже после того, как «классический» перевод был сделан.

2. Некоторые фразы немецкоязычного оригинала были намеренно не включены в первый перевод на английский. Наиболее существенными такими пропусками были примеры с мистером А в главе 12 и – частично – история мистера В. Это было сделано исходя из соображений общественной приемлемости, которые господствовали во времена выхода книги. Пример с мистером А, тем не менее, был включен в последующий перевод книги на французский. В настоящее издание этот эпизод, заново переведенный с немецкого, включен.

3. Стиль и характер оригинального немецкого текста соответствует устной речи. Скорее всего, он был основой (а может быть, и собственно текстом) для лекций, прочитанных Мелани Кляйн в Лондоне. Это объясняет многочисленные повторы, которые вполне естественны в устной речи, а также пространственные авторские сноски, в которых приводится материал, не совсем уместный для упоминания в лекциях. В оригинальном переводе убраны многие такие повторы с целью облегчения чтения и восприятия. Однако в настоящем переводе они восстановлены из соображений сохранения аутентичности. В то время как оригинальный немецкий текст изобилует авторским «я» – что совершенно естественно для лектора, в оригинальном переводе это «я» было, как правило, заменено на множественное число – «мы». В новом переводе восстанавливается авторское «я» (в единственном числе) для лучшей передачи стиля устной речи.

В общем и целом в новом издании сделана попытка максимально возможно следовать оригинальному немецкому тексту, даже жертвуя литературным стилем.

Разбиение текста на отдельные абзацы соответствует тому, что было в первом переводе, так как оно следует англоязычной традиции, согласно которой новый абзац содержит новую законченную мысль. В немецком же языке новая мысль очень часто высказывается в конце предыдущего абзаца. В настоящем исправленном издании все цитаты из Фрейда приведены в соответствии со «Стандартным изданием» (полных психологических работ Зигмунда Фрейда).

Что касается терминологии, то тут было сделано несколько небольших изменений. Например, термин «*Wisstrieb*»³, в оригинальном переводе звучащий как «эпистемологический инстинкт» («*epistemological instinct*»), в настоящем издании соответствует «инстинкту (или стремлению) к знанию»⁴. Термин «*Phase der Höchstblüte des Sadismus*», ранее переводимый как

¹ Имеется в виду примечание к переводу с немецкого на английский, так как оригинал книг был, естественно, написан по-немецки. – *Примеч. пер.*

² Аликс Стрэчи – родилась в США, переехала в Великобританию, где стала заниматься психоанализом. Ее переводы работ З. Фрейда на английский являются классическими, по которым в англоязычных странах изучают наследие основоположника психоанализа. – *Примеч. пер.*

³ Немецкий термин, который напрямую на русский может быть переведен как «влечение к знанию»: от «*Wissen*» – «знание» и «*Trieb*», одно из значений которого – «инстинкт», «порыв». – *Примеч. пер.*

⁴ В английском тексте этот термин звучит так: «*instinct (or desire) for knowledge*». В дальнейшем русскоязычном повествовании для его передачи будут использоваться словосочетания «влечение к знанию» или «стремление к знанию». – *Примеч. пер.*

«фаза максимального садизма», теперь передается таким образом: «фаза, в которой садизм достигает своей высшей точки» («phase when sadism is at its height»).

Из этого имеется одно исключение – в предисловии к третьему изданию, которое было написано самой Мелани Кляйн сразу по-английски. Далее, слово «Gegenständlich», ранее переводимое как «конкретный», заменяется на «репрезентативный», для того чтобы отличать это от понятия «конкретно» в таком термине, как «конкретное мышление».

Следуя тому, как это сделано в «Стандартном издании» (работ Фрейда), все дополнения к тексту выделяются квадратными скобками. Как и в немецком издании, не используется сквозная нумерация сносок. Но те из них, которые добавил я сам, выделены дополнительной буквой: например, в главе 3 я добавил сноски 1a и 1б.

Х. А. Торнер Лондон, апрель 1974 года

Предисловие к первому изданию

Эта книга была написана на основе наблюдений, которые мне удалось сделать в процессе моей работы с детьми в области их психоанализа. Мой первоначальный план состоял в том, чтобы посвятить ее первую часть описанию разработанных мной методик, а вторую – формулировке теоретических выводов, к которым меня постепенно привела моя практическая работа. Представляется, что эти выводы уже могут служить научной основой, подведенной под мою методику. Но в процессе написания данной книги, который занял несколько лет, получилось так, что вторая часть разрослась далеко за пределы ее первоначально предполагаемых границ. В дополнение к опыту по анализу детской психики мои наблюдения за взрослыми позволили сделать вывод, что мои представления о ранних стадиях развития личности ребенка имеет смысл применять и к психоанализу взрослых. Это привело меня к некоторым умозаключениям, которые я выскажу на страницах книги и которые могут оказаться моим вкладом в общую теорию психоанализа в той ее части, которая рассматривает ранние стадии формирования и развития человеческой личности.

Этот вклад в каждом своем аспекте основан на фундаменте знаний, который заложил Фрейд, за что мы все должны быть ему бесконечно признательны. Только используя на практике его открытия, я смогла получить доступ к тому, что творится в головах у маленьких детей, проанализировать это и лечить этих детей. Более того, при данных анализе и лечении для меня оказалось возможным осуществить прямые наблюдения процессов раннего развития личности, которые привели меня к настоящим теоретическим выводам. Эти выводы полностью подтверждают сделанные Фрейдом открытия в области психоанализа взрослого человека, а также являются попыткой расширить наше знание в одном или двух направлениях.

Если такая попытка окажется в конце концов удачной, если данная книга действительно сможет добавить несколько кирпичей в стены возводимого здания психоанализа, я буду в первую очередь признательна самому Фрейду, который не только заложил фундамент этого здания и соорудил его первые этажи, что позволяет вести дальнейшее строительство, но и указал нам всем на те точки, с которых должна начинаться каждая новая работа, привлекая к этим точкам наше внимание.

Мне хочется также упомянуть ту роль, которую сыграли в моих исследованиях по психоанализу, в получении результатов этой работы два моих учителя – доктор Шандор Ференци (Sandor Ferenczi) и доктор Карл Абрахам (Karl Abraham). Ференци был первым, кто познакомил меня с психоанализом. Он также открыл мне настоящие суть и смысл этой науки. Его глубокое и непосредственное понимание бессознательного и символизма (в психоанализе), его удивительная *связь, специфический контакт*, который ему удавалось устанавливать с детским сознанием, – все это имело долгосрочное влияние на мое восприятие и понимание психологии маленьких детей. Он также обратил внимание на мою способность анализировать психику ребенка, что вызывало его большой личный интерес, и побудил меня посвятить себя именно этой области психоанализа и психотерапии, которая тогда была еще очень мало исследована. Кроме того, он делал все, что мог, для моего движения в данном направлении, предоставлял огромную поддержку, когда я делала свои первые шаги в этой науке. Именно он заложил основы, на которых я затем проводила аналитические работы.

В лице доктора Карла Абрахама мне просто невероятно посчастливилось встретить своего второго учителя, обладавшего способностью воодушевлять своих учеников на приложение всех их усилий, всей энергии на развитие науки психоанализа. По мнению Абрахама, прогресс психоанализа зависит от индивидуального вклада каждого психоаналитика – от ценности его работ, от качеств его характера и от уровня его научных достижений. Я всегда ориентировалась на эти высокие стандарты в своей попытке – состоящей в написании данной книги по

психоанализу – вернуть часть того большого долга, который у меня есть перед нашей наукой. Абрахам ясно представлял себе огромный теоретический и практический потенциал психоанализа именно детей. На Первой конференции Немецкого психоаналитического общества в Вюрцбурге в 1924 году, ссылаясь на прочитанный мной доклад о неврозе навязчивых состояний у детей⁵, он произнес слова, которые я никогда не забуду: «Будущее психоанализа лежит в игровых методах». Изучение того, что происходит в сознании маленького ребенка, привело меня к констатации некоторых фактов, которые на первый взгляд кажутся странными. Но вера Абрахама в мою работу придала мне в то время силы для продвижения по выбранному направлению. Мои теоретические выводы являются естественным развитием его собственных открытий, я надеюсь, что данная книга это покажет.

В последние несколько лет моя работа получила щедрую и искреннюю поддержку со стороны доктора Эрнеста Джонса (Ernest Jones). В то время, когда психоанализ ребенка все еще находился на своих начальных стадиях, Джонс смог предвидеть ту роль, которую данная область науки просто обречена сыграть в будущем. Именно по его приглашению я прочитала свой первый курс лекций в Лондоне в 1925 году, будучи приглашенным лектором Британского психоаналитического общества; эти лекции и послужили основой для первой части настоящей книги. Ее вторая часть базируется на другом лекционном курсе, озаглавленном как «Психология взрослого человека в свете психоанализа ребенка» и прочитанном в Лондоне в 1927 году. Та глубокая внутренняя убежденность в важности детского психоанализа, которая сделала доктора Джонса активным сторонником этой науки, привела к тому, что детский психоанализ стал развиваться и в Англии. Доктор Джонс сам внес значительный вклад в исследование проблем ранних тревожных состояний, значения агрессивности при возникновении чувства вины, а также самых ранних стадий развития сексуальности у женщин. Результаты его работ тесно связаны и согласуются с моими собственными заключениями во всех значимых моментах.

Мне хочется поблагодарить всех других моих английских коллег, с кем мне довелось работать, за их понимание и сердечную поддержку, оказанную моей работе. Мисс Мэри Нина Серл (M. Nina Searl), совместная работа с которой была основана на разделяемых нами обоими убеждениях и личной дружбе, приложила много усилий для долгосрочного развития детского психоанализа в Англии, как в практическом, так и в теоретическом аспекте, для обучения этой науке. Огромную важность имеет помощь, которую я получила от мистера и миссис Джеймс Стрэчи (James Strachey). Они также внесли свой вклад в написание этой книги: не только самым квалифицированным образом перевели ее, но и оказали влияние на ее написание, высказывая свои ценные замечания. Мои следующие благодарности адресованы доктору Эдварду Гловеру (Edward Glover) за его неизменный интерес к моей работе, его теплое восприятие ее, а также за тот конструктивный критицизм, который помог мне. Его особая роль проявилась в указании на те моменты, в которых мои выводы согласуются с уже существовавшими и общепризнанными теориями психоанализа. Моя глубокая признательность моей подруге госпоже Джоан Ривьер (Joan Riviere), которая активно способствовала моей работе и была всегда готова оказать мне любую помощь.

Наконец, не менее важно для меня сказать сердечное спасибо моей дочери, доктору Мелитте Шмидеберг (Melitta Schmideberg), за оказанную ею ценную помощь в подготовке этой книги.

Мелани Кляйн Лондон, июль 1932 года

⁵ На основе этого доклада построена глава 3 данной книги.

Предисловие к третьему изданию⁶

За годы, прошедшие после первого выхода в свет этой книги, я пришла к новым заключениям – в основном относящимся к первому младенческому году. Они привели к выдвижению некоторых важных гипотез, которые излагаются в этом издании. Цель настоящего предисловия – дать представление о природе связанных с ними изменений и поправок. Гипотеза, которую я имею в виду в этой связи, состоит в следующем: в первые несколько месяцев жизни младенец проходит через стадии прескураторной тревоги (страха преследования), которые тесно связаны с «фазой максимального садизма»; младенец также испытывает чувство вины из-за своих деструктивных импульсов и фантазий, которые направлены непосредственно против его основного объекта – его матери, прежде всего ее груди. Это чувство вины порождает тенденцию сделать что-то для компенсации травмы, нанесенной объекту.

В своих усилиях максимально детально обрисовать картину того, что происходит в этот период, я пришла к выводу, что некоторые сдвиги в акцентах и временных взаимоотношениях являются неизбежными. Поэтому считаю, что надо различать две главные фазы первых шести-восьми месяцев жизни – я описываю их как «параноидальную позицию» и «депрессивную позицию». (Термин «позиция» был выбран потому, что – несмотря на первостепенность рассматриваемого явления во время самых первых стадий развития – эти «позиции» не ограничиваются данными стадиями, а представляют собой специфические комбинации тревог/беспокойств и защитных реакций, которые появляются, уходят и появляются заново в первые годы жизни.)

«Параноидальная позиция» является стадией, когда доминируют деструктивные импульсы и прескураторная тревога. Она длится от рождения до примерно трехмесячного (а то и четырех-, и даже пятимесячного) возраста.

Это вызывает необходимость изменить представление о наступлении момента, когда садизм достигает своей высшей точки, но не в аспектах рассмотрения тесного взаимодействия между садизмом и прескураторной тревогой в их высших точках.

«Депрессивная позиция», далее следующая на этой стадии и тесно связанная с важными шагами развития персонального эго, возникает примерно в середине первого года жизни. На данной стадии сила влияния на личность садистических импульсов и фантазий, так же как и прескураторной тревоги, уменьшается. Младенец интроецирует объект в целом, и одновременно он становится в какой-то мере способен синтезировать различные аспекты этого объекта – так же как и свои эмоции по отношению к нему. Чувства любви и ненависти сближаются в сознании друг с другом, а это ведет к тревожности и беспокойству по поводу того, чтобы не навредить объекту, внешнему или внутреннему, или не разрушить его. Депрессивные чувства, ощущения вины рождают стремление оберегать или оживлять объект любви, таким образом компенсируя ущерб от деструктивных импульсов и фантазий.

Концепция «депрессивной позиции» не только влечет за собой необходимость пересмотра временных точек фаз раннего развития, но и расширяет горизонт знания об эмоциональной жизни младенцев, критическим образом влияя на наше понимание всего процесса развития ребенка.

Эта концепция позволяет взглянуть по-новому также на ранние стадии формирования эдипова комплекса. Я до сих пор уверена, что они начинаются примерно в середине первого года жизни. Но так как я более не считаю, что в это время садизм достигает своей высшей точки, я делаю другой акцент на начале эмоционального и сексуального отношения к обоим

⁶ [Это предисловие было написано для третьего английского издания и не содержится в немецкоязычном оригинале. См. примечания к переводу нового издания.]

родителям. Поэтому в то время, как в некоторых фразах главы 8 я предполагаю, что эдипов комплекс появляется при доминировании садизма и ненависти, я теперь могу сказать, что ребенок относится ко второму объекту – отцу – с чувствами и любви, и ненависти. (Однако в главах 9, 10 и 12 эти проблемы будут рассмотрены под другим углом – там я близко подошла к той точке зрения, которой придерживаюсь в настоящее время.) В депрессивных чувствах, возникающих из страха потери любимой матери – как и внешнего, и внутреннего объекта, я вижу важный стимул возникновения ранних желаний в рамках эдипова комплекса. Это означает, что сейчас я нахожу корреляцию между ранними стадиями формирования эдипова комплекса с «депрессивной позицией».

В этой книге имеется некоторое количество утверждений, которые, учитывая мою работу на протяжении последних шестнадцати лет, я бы, возможно, желала несколько переформулировать. Эти переформулировки, однако, не влекут за собой каких-либо значительных изменений в выводах, излагаемых тут. Книга в настоящем ее виде содержит взгляды, которых я в данный момент придерживаюсь. Более того, самые последние результаты моей работы органично вытекают из излагаемых в ней гипотез: например, то, что процессы интроекции и проекции возникают в самом начале человеческой жизни; что из интернализированных объектов с течением времени развивается супер-эго во всех его аспектах; отношение к внешним и внутренним объектам, с которыми происходит взаимодействие начиная с первых младенческих дней, критически важно в плане влияния их и на развитие супер-эго, и на объектные отношения; эдипов комплекс характеризуется ранним зарождением; младенческие страхи и тревоги психотической природы указывают на точки, отталкиваясь от которых можно лечить психозы. К тому же игровой метод, который я впервые предложила в 1922–1923 годах и который излагаю в этой книге, до сих пор сохраняет свою значимость в основных принципиальных моментах; он был развит и уточнен в последующей моей работе, но его суть осталась неизменной.

М. К. Лондон, май 1948 года

Предисловие

Зарождение психоанализа детей следует отнести на два десятилетия назад, ко времени, когда сам Фрейд провел свой анализ «Маленького Ханса»⁷. Выдающееся теоретическое значение этой самой первой аналитической работы по детской психике можно оценить в двух направлениях. Ее успешные результаты в случае с ребенком менее пяти лет от роду показали, что методы психоанализа могут быть применены и к маленьким детям; но, возможно, даже более важным является то, что этот анализ, несомненно, смог установить существование инфантильных инстинктивных влечений в психике самого ребенка – наподобие тех, которые ранее Фрейд открыл у взрослых и которые до того момента подвергались большому сомнению. В дополнение к этому полученные результаты данной работы зародили надежду: дальнейшие усилия по анализу психики маленьких детей смогут дать нам более глубокие и достоверные знания о том, как работает их ум, чем уже полученные из анализа взрослого человека, и таким образом позволят внести важный и фундаментальный вклад в теорию психоанализа. Но эти надежды оставались несбыточными в течение достаточно долгого времени. Много лет психоанализ детей продолжал оставаться относительно неизведанной областью общего психоанализа с точки зрения как собственно науки, так и терапии. Несмотря на то что некоторые аналитики, в особенности доктор Германа Хуг-Хельмут (H. v. Hug-Hellmuth)⁸, проводили работы по анализу детской психики, не было достигнуто никаких достоверно зафиксированных результатов относительно выработанных методик и их применений. Именно этим, несомненно, объясняется то, почему огромный теоретический и практический потенциал детского психоанализа не был до поры до времени должным образом оценен, почему главные фундаментальные принципы и аспекты психоанализа, к тому времени уже достаточно давно признанные в применении к взрослому человеку, нуждались в доказательствах и прояснениях, когда их надо применять к детям.

Только в последние лет десять или что-то около того была проведена большая работа в области детского психоанализа. Ее основными результатами были два выработанных метода – один представила Анна Фрейд (Anna Freud), другой – я сама.

Анна Фрейд, следуя в русле своих открытий в области эго ребенка, внесла изменения в классическую методику и выработала свой подход к психоанализу детей в латентный период независимо от моего метода. Ее теоретические выводы в некоторых аспектах отличаются от моих. Она считает, что у детей не развивается невроз переноса⁹, а поэтому фундаментальное условие психоаналитической терапии отсутствует. Более того, она полагает, что методы, аналогичные тем, которые применяются к взрослому человеку, не следует применять к детям, так как у них эго-идеал еще слишком слабо развит¹⁰. Эти взгляды отличаются от моих. Мои

⁷ «Analysis of a Phobia in a Five-Year-Old Boy» (1909). (S.E. 10, p. 3 ff.) Далее в тексте книги будут встречаться ссылки, по форме аналогичные этой. Под «S.E.» следует понимать «Standard Edition (of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud)», то есть «Стандартное издание полного собрания сочинений Зигмунда Фрейда по психологии» – англоязычное полное собрание сочинений в 24 томах, являющееся переводом с немецкого языка оригинальных «Gesammelte Werke» под общей редакцией Джеймса Стрэчи, выпущенное в 1953–1974 годах. Ссылка типа «S.E. 10, p. 3» означает указание на страницу 3 десятого тома. Читателю следует помнить об этом каждый раз, когда будут встречаться ссылки подобной формы. – *Примеч. пер.*

⁸ «On the Technique of Child Analysis» (1921).

⁹ «Ребенок, в отличие от взрослого, не готов к переходу к “новому изданию” своего отношения любви потому, что, как кое-кто может сказать, “старое издание” еще не исчерпало себя. Его оригинальные объекты – родители – по-прежнему реальны и присутствуют в виде объектов любви – и не только в фантазиях, как это происходит у взрослых невротиков». И опять, «для ребенка нет необходимости заменить родителей на него (на аналитика), так как, в сравнении с ними, он не получает никаких преимуществ, которые взрослый находит, заменяя объекты своих фантазий на реальных персон» (The Psychoanalytical Treatment of Children, p. 34).

¹⁰ Она ссылается на следующие соображения (с. 49): «Фактом является то, что детский эго-идеал слаб, что запросы и неврозы ребенка зависят от внешнего мира, что он не имеет возможности контролировать освобождаемые инстинкты и что

наблюдения привели меня к убеждению в том, что и у детей развивается некий аналог невроза переноса у взрослых, что можно обнаружить, применяя метод, эквивалентный анализу взрослого человека, – такой, который избегает рассмотрения образовательных моментов и который в полной мере анализирует негативные импульсы, направляемые в сторону аналитика. Эти наблюдения также показали, что в случаях детей любых возрастов даже очень глубокий анализ вряд ли сможет смягчить тяжелое влияние супер-эго. Более того, в той мере, в которой такое смягчение имеет место без какого-либо образовательного влияния и эффекта, психоанализ не только не наносит никакого вреда детскому эго, но и фактически только укрепляет его.

Без сомнения, было бы очень интересно сравнить в деталях эти два метода на основе фактических данных и оценить их с теоретических позиций. Но мне приходится в рамках данной книги ограничиваться только изложением своей методики и своих теоретических выводов, к которым эти методы позволили мне прийти. В настоящее время об анализе психики ребенка известно относительно мало, поэтому нашей первой задачей будет пролить свет на проблемы детского психоанализа под разными углами зрения и собрать воедино результаты, полученные к настоящему моменту.

аналитик должен сам направлять их». Далее, на с. 31: «Но в случае ребенка негативные импульсы в сторону аналитика – каким бы образом они ни были интересны во многих отношениях – по своей сути затрудняют работу, их следует купировать как можно скорее. По-настоящему плодотворная работа всегда происходит в случае позитивной привязанности».

Часть 1. Метод психоанализа ребенка

Глава 1. Психологические основы психоанализа ребенка¹¹

Наука психоанализа привела к созданию новой детской психологии. Наблюдения, сделанные в рамках принципов этой науки, привели нас к выводу о том, что даже в самые первые годы жизни дети не только испытывают воздействие импульсов сексуального характера или подвержены тревожным состояниям, но и страдают глубокими разочарованиями. Вместе с верой в асексуальность человека в детском возрасте канула в лету и вера в существование «невинного детства». Эти выводы вытекали как из анализа психики взрослых людей, так и из прямых наблюдений за детьми и были подтверждены и дополнены психоанализом маленьких детей.

Мне хочется начать с краткой зарисовки того, что творится в голове у маленького человека, как мне это удалось понять в результате моих ранних исследований. Для этого я приведу конкретные примеры. Моей пациенткой была девочка Рита, которой в самом начале лечения было два года и девять месяцев и которая до годовалого возраста выказывала явную predisposition к своей матери, предпочитая ее всему. Затем она стала выражать заметно большую любовь и нежность по отношению к отцу, что вызывало чувство ревности у матери. Например, в возрасте пятнадцати месяцев девочка постоянно выражала явное желание остаться в комнате наедине с отцом, сидеть у него на коленях и вместе с ним рассматривать книжки. Когда же ей исполнилось примерно полтора года, ее поведение опять изменилось: мать снова стала ее любимым человеком. В это же самое время она стала страдать от ночных кошмаров и бояться животных. У нее во все большей мере росла привязанность к матери одновременно с ростом чувства серьезной неприязни к отцу. В начале третьего года своей жизни она стала выказывать все большую амбивалентность, с ней стало трудно справляться, наконец, в возрасте двух лет и девяти месяцев ее привели ко мне для психоаналитического исследования. К тому времени у нее уже развился ярко выраженный невроз навязчивых состояний. Она демонстрировала навязчивые действия и металась между состояниями «паиньки», к которому примешивались чувства раскаяния и угрызений совести, и неконтролируемого непослушания и капризности. У нее случались приступы плохого настроения, удрученности, что указывало на все симптомы меланхолической депрессии; в дополнение ко всему она страдала от резко выраженной тревожности, чрезмерной заторможенности в играх, полной неспособности претерпевать любые виды фрустраций, а также приступов практически безмерной тоски. Все эти проблемы привели к тому, что с ребенком стало почти невозможно справляться¹².

¹¹ Эта глава является расширенной и дополненной версией моей статьи «Психологические принципы психоанализа детей раннего возраста» («The Psychological Principles of Early Analysis» (1926), Сочинения I).

¹² Рита жила в одной комнате со своими родителями почти до двухлетнего возраста и в процессе анализа ее психического состояния обнаруживала явные последствия полученных впечатлений от происходивших на ее глазах интимных сцен. Когда ей было два года, у нее родился братик – событие, которое послужило спусковым крючком к тому, что ее невроз стал проявляться в самых высших формах. Работа по ее психическому анализу продолжалась в течение восьмидесяти трех сессий и осталась незаконченной по причине того, что ее родители уехали жить за границу. Но эта работа, по всем важнейшим параметрам, привела к весьма значительным улучшениям. Накал детской тревожности спал, а обсессивные ритуалы исчезли. Симптомы ее депрессии были в значительной степени купированы, как и ее неспособность переживать разочарования (фрустрации). В то же самое время сеансы терапии и психоанализа позволили уменьшить ее амбивалентность по отношению к ее матери и улучшить отношение к отцу и брату, в общем, трудности в ее воспитании были приведены к нормальному уровню. В первую очередь мне удалось убедить саму себя в продолжительном эффекте результата проведенной терапии через несколько лет после прекращения последней. Я тогда обнаружила, что она вступила в латентный период в удовлетворительном состоянии, а ее интеллектуальное и характерологическое развитие также было удовлетворительным. Тем не менее после того, как я встретила с ней снова, у меня возникло впечатление, что было бы лучше, если бы ее терапия была в свое время продолжена. Весь

Случай с Ритой ясно показывает, что ночные кошмары, которые проявились в полуторагодовалом возрасте, были невротической реакцией на возникший внутри нее конфликт, связанный с эдиповым комплексом¹³. Приступы тревожности и гнева оказывались повторами ее ночных кошмаров, а другие трудности у нее также были тесно связаны с сильным чувством вины, возникавшим как следствие этого раннего конфликта.

Теперь я перейду к рассмотрению содержания и причин возникновения подобного чувства вины в очень раннем возрасте на другом примере. Девочке Труде¹⁴ было три года и девять месяцев¹⁵. Во время наших сеансов она постоянно играла в то, что уже наступила ночь и что мы обе спим. Затем она осторожно подкрадывалась ко мне из своего, противоположного, угла комнаты (который должен был играть роль ее спальни) и угрожала мне всевозможными способами, например тем, что вот-вот воткнет мне в горло нож, выкинет меня из окна, сожжет меня или сдаст полиции и т. д. Она хотела связать мне руки и ноги или поднять покрывало дивана, сказав, что делает «по-большому»¹⁶. Оказалось, что последнее означает ее желание заглянуть в попу своей матери в поисках «как» (фекалий), которые для нее означали детей. Еще один раз она захотела ударить меня в живот, провозгласив, что таким образом хочет достать мои «а-а» (кал) и сделать меня несчастной. Затем она сгребла в охапку подушки, которых постоянно называла детьми, и спряталась вместе с ними за диваном. Там она забилась в угол с явными признаками сильного страха, закрылась с головой, стала сосать пальцы и описалась. Она повторяла все это заново и заново каждый раз, когда таким образом нападала на меня. Это во всех деталях соответствовало ее поведению в кроватке, которое она начала демонстрировать, когда ей не было еще и двух лет и когда у нее появились сильные ночные страхи. В то же время она начала постоянно прибегать по ночам в спальню своих родителей, будучи при этом неспособной высказать, что же она хочет. Анализируя причины того, почему она описывалась и обделывалась, я выяснила, что за этим стояли ее атаки на родителей, совокуплявшихся друг с другом, и таким образом данные симптомы были преодолены. Труде хотелось похитить у своей беременной матери ее детей, убить ее и занять ее место в половых сношениях с отцом. Ей было два года, когда у нее родилась сестра. Именно такие импульсы ненависти и агрессии на втором году жизни привели ее к сильной фиксации на своей матери, к сильнейшей тревожности и возникновению чувства вины, что нашло свое выражение среди прочего в ее ночных страхах и кошмарах. Из всего этого я делаю заключение о том, что ранние чувства тревожности и вины у маленьких детей происходят из тенденций к агрессии, связанной с конфликтом, который берет начало в эдиповом комплексе¹⁷. В то время, когда поведение Труде максимально соответство-

ее характер и внутренняя сущность демонстрировали отчетливые признаки обсессивной диспозиции. В этой связи следует отметить то, что ее мать страдала сильнейшим неврозом навязчивых состояний и еще до всего этого (с самого начала) двойственно (амбивалентно) относилась к ребенку. Одним из результатов изменений к лучшему, к которым привело лечение Риты, стало то, что и отношение ее матери к ней также значительно улучшилось; но даже при этом оно – это отношение – оставалось серьезным препятствием на пути развития ребенка. Нет сомнений, что если бы курс психотерапии был доведен до конца, а ее обсессивные черты характера подверглись дальнейшей корректировке, то она достигла бы лучшей сбалансированности в противостоянии тому невротическому и вызывающему неврозы окружению, в котором жила. Через семь лет после окончания курса терапии ее мать сказала мне, что Рита продолжает развиваться более или менее нормально.

¹³ В главе 8 я приведу более полные соображения в пользу предположения о том, что эти эмоции на ранней стадии конфликта, связанного с эдиповым комплексом, уже находят свой выход.

¹⁴ Труде (Trude) – уменьшительная форма немецкого имени Гертруда (Gertrude). – *Примеч. пер.*

¹⁵ В данном случае и далее приводимые возрасты пациентов означают возраст, в котором была начата (психоаналитическая) терапия этих детей.

¹⁶ В оригинале в данном месте стоит закавыченное «Po – Kaki – Kuki». – *Примеч. пер.*

¹⁷ В статье, на которой базируется эта глава («The Psychological Principles of Early Analysis», 1926), я уже подчеркивала, что ненависть и агрессия являются самыми глубокими причинами возникновения чувства вины; с тех пор я привела много новых, свежих доказательств этому представлению в целом ряде других публикаций. В моем докладе «The Importance of Symbol-Formation in the Development of the Ego» («Важность формирования символов в развитии эго»), представленном на конгрессе в Оксфорде в 1929 году, мне удалось изложить более развернутую формулировку этого. Я говорила: «Только на поздних стадиях развития конфликта, связанного с эдиповым комплексом, явно проявляются защитные механизмы против

вало тому, что я описала, она умудрялась причинять себе вред тем или иным способом практически каждый раз перед нашими психоаналитическими сеансами. Оказалось, что предметы, с помощью которых она причиняла себе этот вред – стол, шкаф, камин и т. п., – означали для нее, в соответствии с ее примитивной и инфантильной идентификацией, ее мать или отца, которые таким образом наказывали ее¹⁸.

Возвращаясь к нашему первому примеру, мы обнаруживаем, что еще до того, как ей исполнилось два года, Рита начала явным образом выказывать чувство раскаяния и угрызения совести после совершения малейших проступков, а также стала гиперчувствительна к любым упрекам в свой адрес. Например, однажды она разразилась рыданиями, когда ее отец в шутку высказал угрозу в адрес медведя из книжки с картинками. Ее самоидентификация с этим медведем была связана с ее страхом реального недовольства со стороны отца. Ее заторможенность в играх происходила из чувства вины. Когда ей было всего два года и три месяца, она иногда играла со своей куклой – эта игра приносила ей не очень много удовольствия – и постоянно при этом заявляла, что она сама не является мамой этой куклы. В процессе исследования и анализа выяснилось, что ей не разрешалось становиться мамой куклы в этой игре потому, что, кроме всего прочего, кукла-ребенок представлялась ей маленьким братом, которого она хотела похитить у своей матери во время ее беременности. Этот запрет, однако, исходил не от ее реальной матери, а от интроекта образа матери, которая относилась к Рите значительно более строго и жестко, чем ее реальная мать когда-либо себе позволяла. Другой симптом – одержимость навязчивыми действиями, появившийся у Риты в двухлетнем возрасте, стал просто ритуалом при укладывании спать, который продолжался довольно долгое время. Главным в нем было то, что Риту надо было очень сильно завернуть в ночную пижаму, в противном случае «мышка или коротышка» проникнет через окно в комнату и откусит ее собственного «коротышку»¹⁹. Ее куклу также следовало очень сильно укутать на ночь, и этот двойной ритуал становился все более и более изощренным и длительным, проводившимся с видимыми проявлениями того, что с непреодолимой силой захватывало все ее сознание. Один раз во время нашего психоаналитического сеанса она поставила рядом с кроваткой куклы игрушечного слона, который должен был помешать кукле встать и направиться в спальню родителей, чтобы там «сделать что-то с ними или что-то у них забрать». Слон играл роль ее интернализированных родителей, запрещающее влияние которых она всегда ощущала с момента, когда в возрасте между годом и тремя месяцами и двумя годами у нее появилось желание перехватить у своей матери ее место рядом с отцом, похитить у матери вынашиваемого ребенка, причинить вред и кастрировать обоих родителей. Смысл такого ритуала теперь становится ясен: будучи плотно укутанной в ночную пижаму, она не сможет проснуться, встать с постели и осуществить свои агрессивные желания, направленные на своих родителей. Однако, так как она ожидала наказания за эти свои желания в виде чего-то аналогичного, направленного со стороны ее родителей на нее

либидозных импульсов; на ранних его стадиях защита направлена против сопровождающих их деструктивных импульсов». Это утверждение в некоторых моментах согласуется, я думаю, с выводами Фрейда, которые он изложил в своей последней книге «Недовольство культурой» (1930) (английское название книги – «Civilization and its Discontent», в оригинале – «Das Unbehagen in der Kultur», что в прямом переводе с немецкого значит «Дискомфорт в культуре». – *Примеч. пер.*). Он говорит: «Но если это так, то это в конце концов означает, что агрессивность, и только она, трансформируется в чувство вины, будучи подавляемой и перестраиваемой/встраиваемой в супер-эго. Я убежден, что множество процессов могут получить более простое и четкое объяснение, если полученные психоаналитиками по поводу происхождения чувства вины данные будут ограничены только агрессивными инстинктами» (S.E. 21, p. 138). А на следующей странице: «В данный момент следующее предположение выглядит правдоподобно. Когда какая-либо тенденция развития инстинкта подавляется, ее либидозные элементы перерождаются в симптомы, а ее агрессивные компоненты – в чувство вины».

¹⁸ Некоторая жалостливость в позах, стремление упасть или поранить себя – что так особо характерно для маленьких детей – в соответствии с моим опытом являются следствием чувства вины.

¹⁹ Комплекс кастрации у Риты проявлялся в целом ряде симптомов и в процессе формирования ее характера. Ее игровые пристрастия также обнаруживали силу ее самоидентификации с ее отцом и страх – вытекавший из ее комплекса кастрации – неудачи в выполнении своей маскулинной, мужской роли.

саму, плотное спеленывание служило также и ее собственной защитой от этих воображаемых нападков, которые могли осуществляться, например, «коротышкой» (пенисом ее отца), который бы повредил ее гениталии и откусил ее собственного «коротышку» в качестве наказания за желание кастрировать отца. В процессе таких игр она наказывала свою куклу и давала выход своим гневом и страхам, таким образом показывая, что она «играет за двоих»: и на стороне силы, которая наказывает, и на стороне наказываемого ребенка.

Такие игры также показали, что все эти страхи относятся не только к реальным родителям ребенка, но также, и даже в большей степени, к ее чрезмерно суровым интроецированным родителям. То, с чем мы при этом столкнулись, соответствует тому, что называют «супер-эго» у взрослых²⁰. Типичные признаки, которые проявляют себя наиболее отчетливо, когда эдипов комплекс достигает своей кульминации, и которые предшествуют спаду его остроты, сами по себе являются финальной стадией процесса, который протекал до этого годами. Ранний психоанализ показывает, что конфликт, связанный с эдиповым комплексом, возникает достаточно рано – во второй половине первого года жизни, и что в это же самое время ребенок начинает строить свое собственное супер-эго.

Так как мы открыли, что даже очень маленькие дети могут чувствовать давление чувства вины, у нас появляется как минимум одна фундаментальная предпосылка для их психоанализа. Но все же много основ для успешной терапии таких детей, по всей видимости, еще отсутствует. Их связь с реальным миром очень слаба; представляется достаточно очевидным то, что у них нет никакой мотивации к прохождению всех испытаний, связанных со своим психоанализом, так как они, как правило, просто не чувствуют, что с ними что-то не так, что они больны; и наконец, что является самым важным, они пока еще не могут вообще или, по крайней мере, в достаточной степени изложить свои (психические) ассоциации в вербальном виде (то есть попросту высказать их), что критически важно и что является основным инструментом психотерапевтического лечения взрослого человека.

Давайте рассмотрим эту последнюю трудность в первую очередь. Сами различия в устройстве детского ума и ума взрослого человека указали мне путь к проникновению в психику маленького ребенка и к пониманию его бессознательного. Эти особые характеристики детской психологии послужили основой игрового метода психоанализа, который мне удалось выработать. Ребенок выражает свои фантазии, свои желания и свои текущие переживания с помощью символов в играх. Делая это, он использует такие же архаичные и филогенетически усвоенные способы самовыражения, тот же самый язык, с которым мы хорошо знакомы по нашим снам; и нам удастся в полной мере понять этот язык, только если мы будем подходить к данной задаче точно таким же образом, каким, как учил нас Фрейд, следует подходить к пониманию языка сновидений. Символизм – это только часть такого подхода. Если мы хотим правильно понять, что стоит за играми ребенка в связи со всем его поведением во время психоаналитического сеанса, мы должны не довольствоваться выдергиванием смыслов отдельных символов, возникающих во время игры, как это часто происходит, а принимать во внимание все механизмы и методы представления, задействуемые во время переживания сновидений, ни в коем случае не пренебрегая тем, как каждый такой фактор соотносится со всей ситуацией в целом. Психоанализ маленьких детей показывает снова и снова, как много совершенно различных значений и смыслов может иметь одна и та же игрушка, один и тот же эпизод в игре и что мы можем интерпретировать эти смыслы и делать какие-либо выводы, только рассматривая все взаимосвязи и анализируя ситуацию, в которой эти смыслы и значения проявились, во всей ее полноте. Например, кукла Риты в некоторых случаях символизирует пенис, в других – ребенка, украденного у матери, а иногда – саму Риту. Анализ может дать верные в полной

²⁰ По моему мнению, идентификация ребенком себя с кем-то/чем-то в раннем возрасте уже может называться «супер-эго». Доводы в пользу этого будут даны в главе 8.

мере результаты, только если мы мысленно приведем все элементы игры в их истинную связь с имеющимся у ребенка чувством вины, интерпретируя самые мельчайшие детали этой игры. Вся калейдоскопическая картина, часто кажущаяся достаточно бессмысленной со всех сторон, которую ребенок разворачивает перед нами в процессе психоаналитической сессии: то, как он переходит от игры с какой-то игрушкой к отождествлению какого-то предмета с собой, а затем возвращается к игре с водой, вырезанию фигурок из бумаги или рисованию; как ребенок делает то или иное; почему он переходит от одной игре к другой; какие способы он выбирает для того, чтобы выразить смысл своей игры, – все это надо рассматривать как подчиняющееся какой-то системе, и все это приобретет свое значение, если мы будем интерпретировать такие детали так же, как мы делаем это со сновидениями. Очень часто дети будут в игре выражать абсолютно то же самое, что только что высказали нам как свои мечтания, или станут вносить какие-то ассоциации из своих мечтаний в свою игру, которая непосредственно последует за этими мечтаниями. Игра – это самый важный способ самовыражения ребенка. Если мы будем применять подобный игровой подход, мы скоро обнаружим, что у ребенка есть столь много ассоциаций с отдельными элементами его игры, сколько у взрослого человека – с отдельными элементами его сновидений. Все такие отдельные игровые элементы являются индикаторами каких-то смыслов для опытного наблюдателя; в процессе игры ребенок также разговаривает, и его разнообразные высказывания имеют значение для понимания того, с чем он на самом деле себя ассоциирует.

Просто удивительно, как легко дети иногда принимают интерпретации²¹ и даже выказывают заметное удовольствие от них. Причиной этого, по-видимому, является то, что в определенных областях их психики, их умов взаимодействие между сознательным и бессознательным происходит все еще сравнительно легко и просто, а поэтому пути к пониманию их бессознательного значительно проще найти. Интерпретации часто дают очень быстрый эффект, даже в случаях, когда они вроде бы и не были восприняты осознанно. Такой эффект проявляется в том, что ребенок находит путь к продолжению игры, которая до того была прервана, причем это прерывание явилось последствием подавления, а само продолжение может заключаться в изменении сути игры или расширении ее рамок с вовлечением в игру более глубоких слоев сознания/ума. Таким образом снимается тревога и восстанавливается желание играть, как и новый контакт с психоаналитиком. Интерпретирование высвобождает энергию, которую до этого ребенок был вынужден тратить на противостояние сдерживающим факторам, вызывая появление нового интереса к играм. С другой стороны, мы иногда встречаем по-настоящему труднопреодолимое сопротивление. Это чаще всего означает, что в данных случаях мы сталкиваемся с детскими страхами и тревогами, с чувством вины, которые берут свое начало в более глубоких слоях психики ребенка.

Архаичные и символические формы самовыражения, которые ребенок использует в процессе игры, связаны с другим примитивным механизмом. В игре дети действуют вместо того, чтобы высказываться. Действия – которые изначально занимают место мыслей – позднее заменяются словами, поэтому можно сказать, что «выражение себя самого в действии» является для ребенка самым важным вообще. В своей работе «Из истории одного детского невроза» Фрейд пишет: «(Психо)анализ, проведенный с одним невротическим ребенком, должен – как нечто само собой разумеющееся – выглядеть заслуживающим доверие в достаточной мере, но он не может предоставить достаточно богатый материал; на ребенка надо буквально обрушивать слишком много мыслей и слов, но даже при этом самые глуболежащие слои (пси-

²¹ Значение этой фразы может показаться немного туманным, но все станет на места, если вспомнить, что «психоаналитические интерпретации – это сообщения пациенту, которые делает аналитик и в которых он придает сну, симптому или цепочке свободных ассоциаций какое-либо значение, расширяющее и углубляющее то значение, которое придает им сам пациент» (<https://www.psychol-ok.ru/dictionary/interpretation.html>). – *Примеч. пер.*

хики. – *Примеч. пер.*) могут оказаться недостижимыми для осознания»²². Если мы будем подходить к пациенту, являющемуся еще ребенком, с таким же инструментарием, как к взрослому человеку, совершенно очевидно, что мы не сможем проникнуть в эти самые глубокие слои; в то время как именно от достижения понимания того, что происходит в этой глубине – в случае ребенка не в меньшей степени, чем взрослого человека, – критически зависят ценность и успешность психоанализа. Но если мы примем во внимание основные моменты отличия детской психологии от психологии взрослых – а именно тот факт, что бессознательное ребенка пока еще находится в теснейшем контакте с его сознательным и что в его голове самые примитивные (психические. – *Примеч. пер.*) импульсы работают рука об руку со сложнейшими умственными процессами; если мы сможем правильно уловить и понять, каким способом конкретный ребенок выражает самого себя, тогда все эти препятствия и помехи пропадут и мы сможем ожидать достижения такой же глубины психоанализа ребенка, как и в случаях со взрослыми людьми. На самом деле даже большей. В анализе психики ребенка возможно дойти до таких его переживаний и фиксаций, которые в случае со взрослыми очень часто могут быть только реконструированы (в процессе анализа. – *Примеч. пер.*), в то время как у детей они проявляются непосредственно в виде немедленных реакций²³.

В докладе, прочитанном на конгрессе в Зальцбурге в 1921 году²⁴, я выдвинула тезис о том, что за любой формой игрового поведения лежит процесс освобождения от фантазий, связанных с мастурбацией, которые принимают форму постоянного мотивирующего к игре фактора; что этот процесс, являющийся навязчивым повторением, представляет собой фундаментальный механизм детских игр и всех их последующих сублимаций и что запреты в играх и других занятиях возникают от чрезмерно сильного подавления этих фантазий, а вместе с ними – и всей образной жизни ребенка. С этими мастурбационными фантазиями детей связаны и их сексуальные переживания, которые, как и первые, находят свое выражение и абреакцию в игровых процессах. Среди таких заново переживаемых событий «первичные сцены» играют очень важную роль и обычно выступают на передний план в картине психоанализа маленького ребенка. Как правило, только после проведения достаточно большой аналитической работы, в результате которой до известной степени оказываются раскрытыми переживания, связанные с первичными сценами, а также ранние тенденции полового развития, мы сможем достичь представления о том, что происходит в детском сознании в прегенитальной фазе, о связанных с этим фантазиях. Например, Рут²⁵, которой было четыре года и три месяца, ощущая себя еще младенцем, в течение долгого времени (до этого возраста. – *Примеч. пер.*) страдала от чувства голода из-за того, что у ее матери не было достаточно молока. Играя, она называла водопроводный кран «молочным краном». Она объясняла эту свою игру, говоря, что молоко течет в «рот» (на самом деле это были сливные отверстия раковины), но в него попадает очень мало. Она выражала это неудовлетворенное оральное желание в бесчисленных играх и выдумках, а также во всем складе своего ума. Она, например, могла провозгласить, что она – бедная, несчастная девочка, у нее есть только одно пальто, ей не хватает еды и т. п. – и все это было совершенной неправдой.

В случае с Эрной, моей шестилетней пациенткой, страдавшей навязчивостью, прививаемые ей привычки, связанные с туалетными процедурами, оказались серьезным фактором в

²² S. E. 17, p. 8.

²³ Ранний психоанализ детей открывает одну из наиболее плодотворных областей психотерапии именно из-за того, что у ребенка есть способность к прямому выражению своего бессознательного, и он, таким образом, способен не только переживать далеко идущие эмоциональные абреакции, но и на самом деле заново проживать во время аналитического сеанса рассматриваемые исходные ситуации. Это может с помощью интерпретации в значительной степени разрешить проблемы, связанные с привязанностями ребенка.

²⁴ Текст не был опубликован.

²⁵ Или «Руфь» (в оригинале «Ruth»). – *Примеч. пер.*

развитии ее невроза²⁶. Она демонстрировала мне на аналитических сеансах свои переживания по этому поводу в мельчайших деталях. Например, она сажала небольшую куклу на кубик и «заставляла» ее испражняться перед рассаженными рядом другими куклами, которые восхищались процессом. Затем она повторяла этот сюжет, но уже хотела, чтобы действующими лицами были мы с ней сами. Я должна была быть обкакивающимся ребенком, а она – мамой этого ребенка. Она в восхищении любовалась чадом и ласкала его. Затем она резко меняла игру, разъярялась и становилась строгой гувернанткой, жестко обращающейся с ребенком. Тем самым она открывала мне то, что чувствовала в своем раннем детстве, когда ее начали приучать к элементарным действиям, а она стала воспринимать это как то, что к ней перестают чувствовать ту, наверное, слишком большую любовь, в которой она просто-таки купалась в младенчестве.

При психоанализе ребенка мы не можем переоценить важность самовыражения действием и фантазий в борьбе с навязчивыми повторениями. Безусловно, маленькие дети используют самовыражение в действиях чаще, чем что-либо другое, но даже и в более старшем возрасте имеют место постоянные обращения к этому примитивному механизму. Те положительные эмоции, которые ребенок получает от этого, создают ничем не заменимый стимул для продолжения его психоаналитического исследования, хотя их ни за что нельзя рассматривать как нечто большее, чем просто средство для достижения цели.

После начала аналитической работы с маленьким пациентом, когда в ее результате, выражающемся в достигнутых интерпретациях, оказываются снятыми определенные тревоги и беспокойства, ощущение облегчения, испытываемое ребенком как следствие данной работы – часто уже после нескольких первых сессий, будет помогать ему двигаться дальше в процессе терапии. Это будет происходить потому, что если у ребенка до того не было стимулов к своей вовлеченности в процесс психоанализа, то теперь он уже получил понимание, может быть, на интуитивном уровне ценности всего при этом происходящего и своих выгод, что является настолько же эффективным мотивом к продолжению аналитической работы, как и понимание взрослым человеком своей болезни. Способность ребенка достигать такого рода понимания свидетельствует о наличии у него такого значительного контакта с реальностью, которого мы бы не могли ожидать у человека в столь раннем возрасте. Этот момент – отношение ребенка к реальности – заслуживает дальнейшего обсуждения.

В процессе психоанализа мы можем заметить, что восприятие ребенком реальности, на первый взгляд такое слабо выраженное, постепенно набирает силу в результате аналитической работы. Маленький пациент начинает, например, осознавать различия между выдуманной, существующей только в его воображении и реальной матерью или между его реальным братом и куклой, которую он воспринимает как брата. Он будет настаивать на том, что хотел сделать то или это только по отношению к кукольному брату, что он очень-очень любит своего реального, живого братика. Только после преодоления очень сильного и упорного сопротивления со своей стороны ребенок будет способен увидеть, что его агрессивные действия были направлены на какой-то объект из реального мира. Но когда он дойдет до такого понимания, не важно, в каком конкретно раннем возрасте это случится, он сделает очень важный шаг на пути своей адаптации к реальному миру. Труде – та моя пациентка, с которой я работала, когда ей было три года и девять месяцев, после только одного аналитического сеанса у меня уехала со своей матерью за границу. Через шесть месяцев после этого работа с ней возобновилась. Но потребовалось довольно много времени, чтобы «вытянуть» из нее какие-то рассказы о тех вещах, которые она увидела во время своего путешествия, о том, что она тогда делала. Причем эти рассказы шли только в контексте ее снов-мечтаний: как она и ее мама возвращаются в знакомый ей ресторан в Италии, как официантка не приносит ей малинового сока, потому что он

²⁶ Более детальное рассмотрение случая с Эрной будет дано в главе 3.

закончился. Интерпретация этих снов показала, кроме всего прочего²⁷, что она так и не смогла преодолеть в себе ту боль, которую испытала, когда ее отняли от материнской груди, и что она испытывает в этой связи чувство зависти к своей младшей сестренке. В то время как она рассказывала мне о разного рода на первый взгляд незначительных и неважных каждодневных событиях и постоянно намекала на мелкие детали нашей первой аналитической сессии шестью месяцами ранее, единственной причиной, заставившей ее упомянуть о своих путешествиях, был расстроивший ее инцидент, связанный с фрустрацией, возникшей в результате рассмотрения в процессе психоанализа одной из воображаемых ситуаций. В остальном впечатления от путешествия особо ее не интересовали.

Дети с неврозами не слишком хорошо переносят столкновения с реальностью, потому что им трудно переживать фрустрации. Они защищаются от реальности, просто отрицая ее. Для развития их будущей адаптируемости к реальному миру фундаментально и решающе важна их большая или меньшая способность вытерпеть фрустрации, возникающие в ситуациях, связанных с эдиповым комплексом. В случаях с маленькими детьми их чрезмерно обостренное неприятие действительности (часто маскируемое кажущейся послушностью и приспособляемостью) является поэтому индикатором наличия невроза и отличается от «побега от реальности» взрослого человека только формами, в которых оно находит свое выражение. По этой причине одним из (положительных. — *Примеч. пер.*) результатов психоанализа ребенка должно быть придание ему возможности, воспитание в нем способности адаптироваться к реальности. Если эта цель оказывается достигнутой, то у такого ребенка, среди прочего, наблюдаются меньшие трудности в последующем процессе обучения/образования, так как он становится способным принимать и адекватно выносить фрустрации, возникновение которых влечет за собой реальность.

Теперь мы ясно видим, как я думаю, что к детскому психоанализу надо подходить под несколько иным углом по сравнению с тем, как следует анализировать психику взрослого человека. Кратчайший путь к исследованию детского эго для нас лежит в первоочередном рассмотрении бессознательного ребенка, и отталкиваясь от этого, следует постепенно приступать к анализу уже непосредственно самого эго. Стараясь уменьшить чрезмерное давление со стороны супер-эго, которое в случае маленького ребенка становится существенно более сильным, чем у взрослого человека, из-за слабости его эго, мы укрепляем последнее и помогаем ему развиваться²⁸.

Я уже говорила о быстром эффекте интерпретаций на детях и об очень многих способах, которыми этот эффект можно наблюдать: например, расширение рамок их игр, усиление у них переноса, ослабление чувства тревожности и т. д. Тем не менее похоже, что дети в течение некоторого времени не прорабатывают эти интерпретации в своем сознании. Как я обнаруживала, такое осмысление происходит позднее и оно тесно связано с развитием детского эго, с ростом адаптации к реальности и идет с этим нога в ногу. Процесс сексуального «просвещения» протекает подобным же образом. В течение длительного времени анализ дает в качестве своих результатов не более чем выявление материала, связанного с сексуальностью и фантази-

²⁷ Этот сон был «грезой-наказанием». Оказалось, что его содержание базировалось на пожеланиях смерти, вытекавших из ее оральной фрустрации и эдипова комплекса, направленных на ее мать и сестру, а также на чувстве вины, возникавшем из этих пожеланий. Мой анализ снов очень маленьких детей в общем и целом показал мне, что в них, в не меньшей степени, чем в играх, всегда присутствуют не только пожелания, но и противоположные тенденции, берущие начало в супер-эго, и что даже в простейших сновидениях, содержащих в себе мечты-пожелания, всегда в латентной форме присутствует чувство вины.

²⁸ После завершения психоаналитического курса ребенок не может изменить обстоятельства своей жизни, что часто в состоянии сделать взрослый человек. Но психотерапия, психоанализ окажет большую помощь ребенку, если приведет к его более свободному развитию и лучшему самоощущению в окружающей его реальной среде. Более того, преодоление детских неврозов часто дает эффект минимизации трудностей взаимодействия с его социальным окружением. Я знаю из моего собственного опыта, что различные реакции матери будут носить значительно менее невротический характер сразу после начала аналитической работы, так как мать будет стремиться способствовать изменениям к лучшему в своем ребенке.

ями на тему рождения. Стадия сексуального просвещения следует за этим при постепенном преодолении бессознательного сопротивления, препятствующего ей. Поэтому прохождение до конца этой стадии – как и завершение процесса полной адаптации к реальности – является одним из результатов и последствий завершённой аналитической работы. Без этого никакой психоанализ не может считаться успешно завершённым.

В той же мере, в какой способ самовыражения детей отличается от случая взрослого человека, различаются и общие ситуации с психоаналитической точки зрения. Но, несмотря на это, общие принципы психоанализа взрослых и детей остаются одними и теми же. Последовательный подход к интерпретациям, постепенное снятие факторов сопротивления, устойчивая обратная связь с ранее пережитыми ситуациями при переносе, не важно – положительная она или отрицательная, – все это создает и поддерживает корректную атмосферу для психоанализа ребенка в не меньшей степени, чем в случае взрослого человека. Необходимым условием (создания такой атмосферы) является то, что психоаналитику следует воздерживаться, точно так же, как и в работе со взрослым пациентом, от оказывания на ребенка любого влияния, носящего образовательный характер и выходящего за рамки чисто аналитического процесса. С феноменом переноса поэтому следует работать точно такими же способами, как и во «взрослом психоанализе», а в качестве результата такого подхода мы выявим симптомы и проблемы, собирая материал конкретного аналитического случая. Это ведет к возобновлению в ребенке более ранних симптомов или проблем, а также проявлений «непослушания или баловства», которые соответствуют им. Он, например, может снова начать писаться в кровати или в некоторых ситуациях, похожих на то, что уже бывало ранее, ребенок, будучи уже в трех-/четырёх-летнем возрасте, вдруг начнет издавать такие же звуки, так «говорить», как он делал, когда ему было год или два.

Так как новое знание поначалу обрабатывается в мозгу ребенка по большей части на уровне бессознательного, ребенок не сразу сталкивается с ситуацией, которая требует от него пересмотра его отношения к своим родителям; поначалу все происходит на чисто эмоциональном уровне. Исходя из моего опыта, такое постепенное усвоение нового знания приносит только (психологическое. – *Примеч. пер.*) облегчение и заметное улучшение его взаимоотношений с родителями; а также, вместе с этим, улучшает социальную адаптируемость и способствует воспитанию. Позывы, исходящие из супер-эго, смягчаются в процессе психоаналитической терапии, его эго, будучи теперь подавляемым в меньшей степени и становясь поэтому сильнее, оказывается способным легче справляться с упомянутыми позывами.

По мере продолжения аналитической терапии у детей растёт до определенного уровня способность заменять процессы сдерживания, подавления критически осмысленным отказом. Это наблюдается, когда на последних стадиях терапии дети уже настолько отстраняются от ранее правивших ими садистических позывов, к интерпретациям которых они относились с сильнейшим неприятием, что иногда уже даже воспринимают эти позывы как нечто смешное, как повод повеселиться²⁹. Например, однажды я услышала детскую шутку (от весьма маленького ребенка) о том, что дети в самом деле однажды хотели съесть маму или разрезать ее на кусочки. Ослабление чувства вины, которое сопровождают такие изменения, также позволяет ранее полностью подавляемым садистическим желаниям сублимироваться. Это проявляется в снятии заторможенностей в играх и в процессах обучения, в появлении целого ряда новых интересов и видов деятельности.

²⁹ Это наблюдение – что когда детское супер-эго становится не таким «суровым», то у детей рождается и развивается чувство юмора, – подтверждает, по моему мнению, фрейдовскую теорию природы юмора, который, на его взгляд, является результатом дружелюбности, появляющейся в супер-эго. Завершая свою работу «Юмор» в 1928 году (S.E. 21, p. 166), он говорит: «И наконец, если с помощью юмора супер-эго пытается как-то утешить эго и защитить последнее от страданий, то это не противоречит его происхождению из родительского влияния».

В данной главе я взяла за исходную точку свой подход к психоанализу детей ранних возрастов, так как он является фундаментом для конкретных аналитических методов. Поскольку конкретные особенности психики самых маленьких детей часто в очень значительной мере сохраняются у них и в несколько более старшем возрасте, я убедилась, что этот подход является незаменимым в моей работе также и с уже немного подросшими детьми. С другой стороны, конечно, это старших детей развито уже в значительно большей степени, поэтому мой подход следует несколько модифицировать, прежде чем применять его к детям, находящимся в латентной фазе или в пубертатном возрасте. Этому будет позднее уделено особое внимание, поэтому тут я только слегка коснулась соответствующих моментов. Ответ на вопрос о том, находится такая модифицированная методика ближе к психоаналитическим подходам к маленьким детям или к «стандартным» подходам к взрослому человеку, зависит не только от возраста ребенка, но и от специфики каждого конкретного случая.

Обобщая, можно сказать, что следующие принципы, лежащие в основе моего подхода, носят фундаментальный характер и применимы ко всем возрастам. Так как дети и подростки могут более остро страдать от тревожности, чем взрослые, нам следует как можно скорее добраться до их страхов, тревог и до их неосознанного чувства вины, чтобы сформировать «правильную» атмосферу психоаналитической работы с ними. У совсем маленьких детей тревожность обычно находит выход в виде панических приступов; в латентном периоде она чаще выражается в форме отвержения на почве недоверия, в то время как в насыщенном интенсивными эмоциями периоде пубертата тревожность снова принимает острые формы и, в согласии с наличием более сильно развитого эго, часто выплескивается наружу в вызывающем поведении более дерзкого и насильственного характера, что может легко привести к краху психоаналитической терапии. Определенная степень тревожности может быть снята у детей любого возраста, если начать лечение негативного переноса на самых ранних его стадиях и систематически разрешать связанные с ним проблемы.

Но для получения доступа к детским фантазиям и к детскому бессознательному надо следовать за теми формами непрямого символического самовыражения, которые используют как самые маленькие, так и уже немного подросшие дети. Как только детские фантазии становятся более свободными в результате ослабления тревожности, мы не просто получаем доступ к бессознательному ребенка, но и большей степени мобилизуем внутренние средства для выражения³⁰ своих фантазий, которыми он обладает. И это хорошо даже в тех случаях, когда нам приходится отталкиваться от материала, который кажется полностью свободным от каких-либо фантазий.

В заключение мне хочется коротко резюмировать все сказанное в этой главе. Более примитивное устройство детской психики, детского ума приводит к необходимости искать психоаналитические подходы, специальным образом адаптированные к ребенку, которые мы найдем в анализе того, как он играет. С помощью этого анализа мы получаем доступ к самым сильно подавляемым переживаниям ребенка, его фиксациям и навязчивым состояниям, и поэтому нам оказывается возможным критически влиять на его развитие. Различие между этой методикой и тем, что применяется в случаях со взрослыми людьми, однако, только в подходе, но не в принципиальных основах. Анализ ситуаций, связанных с переносом и сопротивлением,

³⁰ Если нам удастся это сделать, мы можем превратить речь – в той мере, в какой ребенок уже способен говорить, – в инструмент психоанализа. Причинами того, что нам в процессе его психоанализа долго приходится обходиться без каких-либо вербальных ассоциаций, является не только то, что маленькие дети еще не умеют достаточно свободно говорить, но и то, что острота приступов тревоги, от которых они страдают, позволяет им выражать себя только менее прямыми способами. Поскольку простейшие архаические формы самовыражения – с помощью игрушек или каких-либо действий – являются важнейшими для ребенка, нам, без сомнения, никогда не удастся провести глубокое исследование его психики только с помощью речи. Тем не менее я убеждена, что ни одна какая-либо работа по психоаналитическому исследованию ребенка, не важно, какого возраста, не может считаться по-настоящему законченной до тех пор, пока этот ребенок не начнет в полной мере общаться словами со своим аналитиком, так как язык представляет собой мост, ведущий в реальный мир.

излечение ранней младенческой амнезии и состояний подавленности, так же как и раскрытие влияния первичных сцен, – все это поддается анализу игровых привычек. Можно увидеть, что все критерии психоаналитического метода применимы и в случае этого подхода. «Игровой» психоанализ приводит к тем же результатам, что и методы психоанализа взрослого человека, с одной только разницей – его процедура адаптирована к детским уму, мышлению и психике.

Глава 2. Методика психоанализа детей ранних возрастов³¹

В главе 1 этой книги я попыталась показать, с одной стороны, какие специфические психологические механизмы, отличающиеся от тех, что характерны для взрослых людей, по нашему мнению, присутствуют у маленьких детей, работают в их головах, а с другой стороны, какие параллели существуют между этими двумя случаями. Указанные различия и сходства, которые делают необходимым применение специальных подходов, и привели меня к разработке моего метода игрового анализа.

На маленьком столике в моем кабинете для психоаналитических сессий находится целый ряд простейших игрушек – небольшие деревянные фигурки мужчин и женщин, игрушечные коляски, повозки, вагончики, машинки, паровозики, звери, кубики и домики, а также бумага, ножницы и карандаши. Даже тот ребенок, у которого сильно развилось чувство торможения к играм, обычно обязательно хотя бы бросит взгляд на эти игрушки или потрогает их и тем самым позволит мне очень скоро получить первое впечатление об имеющихся у него комплексах – через наблюдения за тем, как он начинает играть с игрушками или даже просто отставляет их в сторону или как выражает свое общее отношение к ним.

Я продемонстрирую принципы игровой методики на конкретных примерах психоанализа маленьких детей. С Петером, которому было три года и девять месяцев, было очень трудно справляться во всех отношениях. Он был сильно заиклен на своей матери и очень амбивалентен³². Был неспособен переносить разочарования/фрустрации, демонстрировал полную заторможенность в играх, создавал о себе впечатление как о робком, постоянно опечаленном ребенке, в котором нет ничего мальчишеского. Временами его поведение могло становиться агрессивным и оскорбительно насмешливым, он очень плохо вел себя с другими детьми, особенно со своим младшим братом. Аналитическая работа с ним имела своей целью по большей мере профилактику, так как в его семье уже было несколько случаев серьезных неврозов. Но в процессе психоанализа стало очевидно, что он сам уже страдает от столь серьезного невроза и ему присуща такая степень заторможенности, что почти наверняка он окажется не способен справиться с тем, что от него потребует школа, и что рано или поздно его ожидают серьезнейшие жизненные неудачи, чреватые полной ломкой личности³³.

В самом начале нашей с ним первой сессии Петер брал игрушечные вагончики и машинки, сразу расставлял их одни за другими, а затем – рядом друг с другом. Потом он

³¹ В оригинале название главы имеет вид «The technique of early analysis». Английское слово «technique» иногда переводится как «техника», и его, в принципе, можно использовать и в этом случае. В русском языке, наряду с основным значением слова «техника» (то есть обобщающим наименованием сложных устройств, механизмов и т. п.), этот термин может применяться и в других смыслах – например, техника игры на музыкальном инструменте, техника безопасности и т. п. Основное же значение английского «technique» – это способ выполнения конкретных задач, а отнюдь не общее обозначение сложного устройства. «Scientific technique» – это систематический способ получения научной информации или создания материала/продукта. Поэтому представляется более адекватно в контексте этой главы говорить о «методике» (или, в крайнем случае, о «методах»), а не о «технике». – *Примеч. пер.*

³² На всякий случай, во избежание возможных неясностей при переводе, представляется нелишним напомнить определение этого термина: амбивалентность – это склонность отвечать на внешние раздражители двоякой, противоположной и/или антагонистической реакцией. В некотором роде синонимом может выступать слово «двойственность». – *Примеч. пер.*

³³ Я могу добавить, что в конце аналитической работы с ним, которая потребовала проведения ни много ни мало, а 278 сессий, все его трудности исчезли и он продемонстрировал серьезные улучшения всего своего характера и предрасположенности. У него пропали не только паталогические страхи, но и его общая робость, он стал счастливым и жизнерадостным ребенком. Он преодолел свою заторможенность в играх, стал хорошо ладить с другими детьми, особенно со своим младшим братом. Его общее развитие с тех пор протекало просто отлично. Из того, что я знаю о нем сегодня, через шесть лет после окончания аналитической работы с ним, у него есть успехи в школе, он интересуется многими вещами, хорошо учится и участвует в играх. Старшим теперь с ним легко иметь дело, он отвечает всем социальным требованиям для своего возраста. Кроме того, стоит отметить, что, как во время своей терапии, так и по прошествии нескольких лет после ее окончания, ему пришлось пройти через нетипично (для ребенка) огромные проблемы и нагрузки из-за различных потрясений в жизни его семьи.

несколько раз менял их расположение. В процессе он взял два игрушечных конных экипажа и стукнул их между собой так, что лошадиные ноги ударились друг о друга, и сказал: «У меня новый младший брат Фриц». Я спросила его, какое отношение к этому имеют конные экипажи. Он ответил: «Это нехорошо», – и на мгновение прекратил сталкивать их между собой, но скоро продолжил это занятие. Затем он столкнул две игрушечные лошадки таким же способом, как и раньше, – чтобы копыта ударились друг о друга. После чего я сказала: «Смотри, эти лошади – это два сталкивающихся человека». Его первая реакция на это была: «Нет, это нехорошо», а затем он сказал: «Да, это два человека сталкиваются друг с другом», а затем добавил: «Эти лошади тоже столкнулись друг с другом, но теперь они пойдут спать». Потом он завалил их кубиками и сказал: «Ну, теперь они совсем мертвы; я их похоронил». Во время второй сессии он сначала также выстраивал машинки и повозки двумя способами – в длинную колонну и в шеренгу; при этом он опять стукнул два игрушечных вагончика между собой, а затем и два паровозика – как и в прошлый раз. Потом он поставил двое игрушечных качелей рядом друг с другом и, указав мне на их внутренние подвижные элементы, которые висели и раскачивались, сказал: «Смотри, они теперь свисают и ударяются». С этого момента я перешла к попыткам интерпретации. Указав ему на «свисающие» части качелей, паровозики, вагончики и лошадки, я сказала, что в каждом случае эти игрушки – это два человека, его папа и мама, ударяющиеся друг о друга своими «штуковинами»³⁴ (это словечко он использовал для обозначения гениталий). Он возразил: «Нет, это нехорошо», но затем, снова столкнув повозки друг с другом, сказал: «Вот так вот они сталкиваются своими штуковинами». Сразу после этого он заговорил о своем маленьком братике. Как мы уже видели во время нашей первой сессии, за его ударами двух вагончиков или лошадок друг о друга следовали его упоминания того, что у него появился новый маленький братик. Поэтому я, продолжая свои интерпретации, сказала ему: «Ты подумал про себя, что папа и мама ударились своими штуковинами, в результате чего появился твой маленький братик Фриц». Тогда он взял еще один небольшой игрушечный экипаж и стукнул все три игрушки друг с другом. Я предположила: «Это твоя собственная штукавина. Ты тоже хочешь стукнуться своей штуковиной со штуковинами твоих папы и мамы». После этого он добавил в игру четвертый экипаж и сказал: «Это Фриц». Затем он взял две маленькие тележки и «прицепил» каждую на свой «локомотивчик»³⁵. Он указал на лошадку и повозку и сказал: «Это папа», поместил рядом такую же игрушку – «Это мама». Указав еще раз на «отцовский» экипаж, сказал: «Это я». А далее, ткнув в сторону «материнского» экипажа: «Это тоже я», продемонстрировав тем самым свою идентификацию с обоими родителями в коитусе. После этого он несколько раз столкнул между собой две маленькие повозки и рассказал мне, как он и его маленький брат пустили двух цыплят в свою спальню, чтобы они сами смогли уgomониться, но те столкнулись и плюнули «туда». Но он сам и Фриц, добавил Петер, «не были озорными уличными мальчишками и не плевались». Когда я сказала ему, что эти цыплята были его и Фрица «штуковинами», сталкивающимися друг с другом и плюющимися – мастурбирующими таким образом, он, после преодоления небольшого внутреннего сопротивления, согласился.

Здесь возможно только указать на то, что детские фантазии, проявляющиеся в процессе игры, становятся все более и более свободными в ответ на их постоянную интерпретацию в том смысле, что фантазирование становится более раскрепощенным процессом. Что заторможенность в игре уменьшается, а рамки игры постепенно расширяются; что некоторые детали игры

³⁴ Прежде всего я всегда спрашиваю маму ребенка, какие специальные словечки он или она использует для обозначения гениталий, естественных процессов выделения отходов жизнедеятельности и т. п., и применяю такие слова в разговоре с ребенком. Исходя из целей более ясного изложения, я, однако, в дальнейшем не буду воспроизводить все такие «словечки», описывая другие практические случаи.

³⁵ В описании данного случая под «локомотивчиком» следует понимать игрушку, которая обозначает предмет, обладающий способностью двигаться самостоятельно. Например, игрушечную лошадь, паровозик или машинку. Тележка такой способностью не обладает. В следующей же фразе автор говорит, что в этом эпизоде таким «локомотивчиком» была игрушечная лошадка. – *Примеч. пер.*

повторяются снова и снова до той поры, пока не становятся полностью прояснены путем их интерпретации, после чего они уступают место новым деталям. Точно так же, как ассоциации, связанные с элементами сновидения, ведут к объяснению скрытого смысла этого сна, элементы детской игры, соответствующие этим ассоциациям, позволяют рассмотреть ее скрытое и подспудное содержание. Анализ детской игры в не меньшей степени, чем психоанализ взрослого человека, своим систематическим рассмотрением реальной ситуации как ситуации переноса и установлением связи (игровых элементов. – *Примеч. пер.*) с чем-то, уже реально пережитым или нафантазированным, предоставляет ребенку возможность в новой фантазии «прожить» до конца и «проработать» это пережитое или выдуманное «что-то». Таким путем, а также раскрывая смысл младенческих переживаний и первоначальные причины (особенностей. – *Примеч. пер.*) сексуального развития ребенка, психоанализ способствует снятию привязанностей и пристрастий, а также корректировке ошибок процесса его развития.

Описание следующего эпизода из случая с Петером имеет целью показать, что интерпретации, сделанные во время первых сессий, подтвердились при последующих стадиях аналитического исследования. Однажды, через несколько недель, когда один из игрушечных человечков случайно упал, Петер впал в ярость. После этого он задал мне вопрос о том, как был сделан игрушечный автомобиль и «почему он может стоять и не падать». Далее он показал мне, как падает крошечный игрушечный олень, а потом заявил, что хочет писать³⁶. В туалете он сказал мне: «Я делаю пис-с-с – у меня есть шутовина». Затем он вернулся в комнату и взял игрушечного человечка, которого назвал мальчиком, поместил его в игрушечный домик, который назвал туалетом, и поставил этого мальчика таким образом, что помещенная рядом с ним собачка «не могла бы его видеть и укусить». Но при этом он разместил куклу-женщину так, чтобы она могла видеть мальчика, и сказал: «Только папа не должен видеть его». Из этого стало очевидно, что он ассоциировал собаку, бывшую для него обобщенным объектом, которого следует очень бояться, со своим отцом, а испражняющегося мальчика – с самим собой. После этого он продолжил играть с машинкой, устройство которой уже вызывало у него восхищение, катая ее взад-вперед снова и снова. Внезапно он сердито спросил: «Когда машина наконец остановится?» и добавил, что некоторые из ранее расставленных кукол не должны на ней ездить, опрокинул их всех и затем снова расставил, но уже спиной к машинке, рядом с которой снова выстроил целый ряд остальных машинок и вагончиков – на этот раз в шеренгу.

³⁶ В главе 1 я уже приводила свои соображения в пользу той точки зрения, что с детьми, не в меньшей степени, чем со взрослыми, психоаналитический контакт может быть установлен и далее сохраняться, только если со стороны психотерапевта поддерживается чисто аналитическое отношение к пациенту. Но если приходится иметь дело с ребенком, то этот принцип становится необходимым несколько модифицировать, не «отрекаясь», однако, от его сути. Например, если очень маленький пациент хочет в туалет и пока еще дома не приучен ходить туда самостоятельно, то в своей практике я сопровождаю его. Но при этом я оказываю ему минимальную помощь, таким образом подчеркивая, что она не является каким-либо выражением любви, которую ребенок бессознательно желает ощутить; или, по крайней мере, свожу к минимум-минимуму то, что он может воспринять как знак любви; таким своим поведением я демонстрирую, как и в любой другой ситуации, свое отношение сдержанной дружелюбности, которое кажется столь же необходимым для установления и поддержания аналитической атмосферы при работе с детьми, как в случаях психоанализа взрослых пациентов. Также очень важно подвергнуть психоаналитической интерпретации удовлетворенность пациента собственно процедурой психоанализа и выявить глубокие мотивы, которые лежат в основе его стремления к такой удовлетворенности, и связать их с возникающими у него ассоциациями или игровыми действиями, которые непосредственно предшествуют им или следуют за ними. В случае с Петером, например, после того как он сделал свои дела и сказал: «Я делаю пис-с-с – у меня *есть* шутовина», он продолжил свою игру с кукольным мальчиком, сидящим в туалете. Подробности игры, последовавшей за этой его ремаркой, а именно то, что заменяющая отца игрушечная собачка *не* должна была видеть мальчика в туалете, а вот кукла-женщина *должна* была его там видеть, указали на причины недавней необходимости Петера пописать и его желания, чтобы я присутствовала при этом. Точно таким же образом я очень тщательно анализирую, что стоит за стремлениями ребенка назначить мне ту или иную роль в своих играх или выдумках, или за его призывами оказать тот или иной вид помощи ему самому, его куклам или животным. Насколько глубоко доверительной окажется атмосфера аналитической сессии с ребенком, можно увидеть, например, из того факта, что даже самые маленькие дети только в исключительных случаях на практике осуществляют какие-либо действия эксгибиционистского характера и что даже во время периодов самого сильного позитивного переноса очень редко случается, что ребенок забирается ко мне на колени или целует и обнимает меня. Несдержанность также очень редко встречается в час аналитического сеанса, даже у очень маленьких детей.

Потом он внезапно сказал, что очень хочет по-большому, но удовольствовался только вопросом, заданным какающему игрушечному человечку (мальчику), сделал ли тот уже все свои дела. Далее он вернулся к машинке, поласкал ее и стал беспрестанно переходить от восторгов к гневу по поводу постоянных метаний этой машинки взад-вперед, по поводу своего желания сходить по-большому и от своих вопросов «мальчику» о том, закончил ли он.

Во время только что описанной аналитической сессии Петер указывал на следующие вещи: на игрушечного человечка, на оленя и т. п., которые постоянно падали и которые таким образом символизировали его собственный пенис вместе с неполноценностью последнего по сравнению с эрегированным членом его отца. Его стремление пописать сразу же после этих указаний предназначалось для того, чтобы доказать обратное и самому себе, и мне. Игрушечная машинка, которая безостановочно ездил взад-вперед и которая вызывала у ребенка и восхищение, и злость, ассоциировалась с пенисом его отца, который непрерывно осуществлял половой акт. После приливов восхищенных чувств он злился и хотел испражняться. Это было повторением его желаний покакать, возникавших у него, когда он ранее становился свидетелем первичной сцены. Такая его реакция объясняется желанием отвлечь родителей от их полового акта и, в фантазиях, нанести им вред своими экскрементами. Кроме того, какашка представлялась мальчику как нечто заменяющее его недоразвитый (по сравнению со взрослым. – *Примеч. пер.*) пенис.

Мы теперь должны попытаться связать весь этот материал с эпизодами первой психоаналитической сессии с Петером. Расставляя игрушечные машинки друг за другом в самом ее начале, он тем самым ссылался на мощный пенис своего отца; когда же он ставил их рядом друг с другом, он символически выражал частое повторение коитуса – а именно высокую потенцию отца, и он выражал это в дальнейшем, заставляя машинку безостановочно двигаться. Гнев и злость, которые он ощущал, когда становился свидетелем половых актов между родителями, во время первой же сессии нашли свои образы в желании того, чтобы две лошадки, которые пошли спать, оказались «мертвыми и похороненными», а также в тех внешних проявлениях, которые сопровождало это желание. То, что формирование у него таких впечатлений от первичных сцен, с которых (впечатлений. – *Примеч. пер.*) он начал наши аналитические сессии, имело отношение к реальным подавленным переживаниям его самого раннего детства, было подтверждено тем, что мне рассказывали его родители. В соответствии с этими рассказами, ребенок жил с ними в одной спальне в течение только одного периода, когда ему было полтора года и они все уехали в летний отпуск. Именно в это время с ним стало особенно трудно справиться, он плохо спал, постоянно обделывался, несмотря на то что несколькими месяцами ранее уже почти полностью усвоил «правильные» туалетные привычки. Оказалось, что решетка его кровати не закрывала ему полностью вид на родителей во время их половых актов, но все-таки этот вид затрудняла, что нашло символическое отражение в падениях игрушечных человечков, которые ребенок затем ставил спиной к выстроенным в ряд машинкам. Падения игрушек отражали также его чувства собственной импотенции. До этого времени мой маленький пациент совершенно нормально и даже чрезвычайно хорошо играл со своими игрушками, а после того он оказался неспособен делать с ними ничего, кроме как ломать их. Начиная прямо с первой аналитической сессии, он демонстрировал связь между стремлением сломать свои игрушки и увиденными им половыми актами. Однажды, когда он выстроил машинки, которые символизировали пенис его отца, в ряд бок о бок, а потом сделал так, чтобы они все покатались, он вышел из себя, разбросал их по всей комнате и сказал: «Мы всегда немедленно ломаем наши рождественские подарки; нам ничего из этого не нужно». Разбивая игрушки, он тем самым в своем бессознательном крушил гениталии своего отца. Такое удовольствие от разрушения и заторможенность в играх, которые он сразу же продемонстрировал на психоаналитическом сеансе, были в процессе терапии постепенно преодолены, а потом и вовсе исчезли вместе с другими его проблемами.

Раскрывая шаг за шагом влияние, оказанное первичной сценой, мне удалось добраться до прятавшихся в глубине, но очень сильных пассивных гомосексуальных наклонностей Петера. После того как он изобразил (вышеописанными способами. – *Примеч. пер.*) половой акт своих родителей, он выразил свои фантазии о коитусе с участием трех человек. Они вызвали у него сильнейшее ощущение тревоги и уже другие фантазии, в которых он пассивным образом совокуплялся со своим отцом; это выражалось в его играх с тем, что игрушечные собачка, машинка или паровозик – все, что должно было символизировать его отца, – взбирались на тележку или игрушечного человечка, которые означали его самого. В процессе таких игр тележка каким-то образом повреждалась, а у кукольного человечка оказывалась откушена какая-то часть; после этого Петер выражал большой испуг (или активную агрессию) по отношению к той игрушке, которая символизировала его отца.

Теперь мне хочется обсудить некоторые более важные моменты моей методики в свете только что описанных фрагментов реально проведенных аналитических сессий. Как только маленький пациент дает мне какое-то понимание своих комплексов – происходит это в результате наблюдения за его играми, за тем, как и что он рисует, какие свои фантазии описывает или просто выражает своим общим поведением, – я могу (более того, должна) начинать все это интерпретировать. Это не противоречит надежно проверенному правилу, гласящему, что аналитику следует воздерживаться от интерпретаций до того, пока не установится феномен переноса, потому что у детей перенос проявляется немедленно, а аналитик часто немедленно видит доказательства его позитивного характера. Но если ребенок выказывает робость, тревожность или даже просто недостаточное доверие, то такое его поведение должно рассматриваться как признак негативного переноса, что только подчеркивает абсолютную необходимость начать интерпретации как можно скорее, так как они уменьшают негативный перенос у пациента, вскрывая и отслеживая изначальные объекты и ситуации, приведшие к негативным эффектам. Например, когда Рита³⁷, которая была очень амбивалентным ребенком, выказывала сопротивление, она тут же хотела убежать из комнаты, поэтому мне нужно было сделать интерпретацию немедленно, чтобы погасить это сопротивление. Как только мне удавалось объяснить ей причину ее сопротивления – все время ссылаясь на первоначально вызвавшие его объект или ситуацию, негативный порыв оказывался купированным, а она снова становилась дружелюбной и доверчивой девочкой, продолжала свои игры, многочисленные детали которых только подтверждали ту интерпретацию, которую я только что ей высказала.

Мне удалось с особой ясностью увидеть настоятельную необходимость немедленных интерпретаций и на другом примере. Это был случай с Труде, которую – следует это запомнить – привели ко мне, когда ей было три года и девять месяцев³⁸, на аналитическую сессию, оказавшуюся единственной, так как из-за внешних обстоятельств ее дальнейшую терапию пришлось отложить. Этот ребенок был крайне невротичным и необычно сильно зацикленным на своей матери. Она зашла в мой кабинет с очевидной неохотой и охваченная сильной тревогой, поэтому мне пришлось начать свое аналитическое общение с ней очень тихим голосом при открытой двери. Но скоро она подсказала мне, в чем скрыта природа ее комплексов. Она настояла на том, чтобы цветы, находившиеся в вазе, были убраны; выкинула маленького игрушечного человечка из коляски, в которую сама же ранее его посадила, и очень сильно его отругала; потом она захотела вытащить из книжки, принесенной ею, некоего человека в высокой шляпе, нарисованного там; наконец, она заявила, что подушки были беспорядочно разбросаны по комнате собакой. Немедленно высказанная мной интерпретация всех этих высказываний в том смысле, что она желает разделаться с пенисом своего отца,³⁹ потому что он приносит вред

³⁷ См. главу 1.

³⁸ Там же.

³⁹ Необычно сильный комплекс кастрации у Труде играл в ее поведении очень заметную роль и просто доминировал в

и причиняет беспокойство ее матери, атакует ее (именно на это указывало ее поведение по отношению к вазе, коляске, книжке и подушкам), сразу же привела к тому, что девочка в значительной мере успокоилась и прониклась ко мне существенно большим доверием, чем поначалу; а потом дома она сказала, что хотела бы еще раз прийти ко мне. Когда спустя шесть месяцев я возобновила свои психоаналитические сеансы с этой маленькой девочкой, оказалось, что она хорошо запомнила детали того единственного часа, проведенного тогда со мной, и что мои интерпретации привели к возникновению у нее в некоторой степени позитивного переноса, или, говоря иными словами, уменьшению негативного переноса, который был присущ ей.

Другой фундаментальный принцип игровой методики заключается в том, что интерпретации должны быть адекватными тому слою сознания, который в процессе анализа активируется – в той мере, в какой речь идет о их глубине. Например, во время своей второй сессии Петер после того, как привел в движение машинки, положил игрушечного человечка на скамеечку, которую назвал кроваткой, а затем скинул его вниз и сказал, что тот теперь сломан и мертв. Затем он проделал то же самое еще с двумя маленькими человечками, для чего взял две уже сломанные игрушки. В этот момент, в соответствии с уже имевшимся у меня материалом, моя интерпретация приобрела следующий вид: первый игрушечный человечек был его отцом, которого он хотел выкинуть из постели своей матери и убить, а второй – им самим, по отношению к которому его отец сделает то же самое⁴⁰. В связи с выяснением влияния первичной сцены, завершено к этому моменту во всех деталях, Петер в самых различных видах вернулся к теме двух сломанных человечков. Теперь уже начало казаться, что эта тема определялась страхом перед матерью как фигурой, обладающей способностью кастрировать, который преследовал его с момента первичной сцены. В его фантазиях она вставила пенис отца внутрь себя и не отдала его; таким образом, она стала объектом, вызывающим у мальчика тревогу и страх, потому что теперь она носит пенис отца, который ужасен сам по себе, то есть самого отца внутри себя⁴¹.

А вот еще один пример из того же случая. Во время второй сессии с Петером моя интерпретация материала, который он мне предоставил, заключалась в том, что он со своим братом практикует взаимную мастурбацию. Через несколько месяцев, когда ему уже было четыре года и четыре месяца, он высказал очень пространную мечту, наполненную ассоциативным материалом, из которой можно сделать следующую выжимку. «Две свинки находились в свинарнике и в моей кроватке. Они вместе в свинарнике ели. Также в моей кроватке были двое мальчишек в лодке; но они были уже достаточно большими парнями, как дядя Г (взрослый брат его матери) и Е (его старшая подружка, которую он представлял себе как почти взрослую)». Большинство ассоциаций, связанных с этой мечтой, которые мне удалось выудить из него, были вербальными. Они указывали на то, что свинки символизировали его самого и его брата, а то, что они вместе ели, означало взаимную фелляцию. Но они также символизировали и его совокупляющихся родителей. Оказалось, что его сексуальные отношения с братом основывались на идентификациях со своими отцом и матерью, в которых Петер по очереди играл роль обоих родителей. После такой моей интерпретации этого материала Петер начал следующий сеанс игрой вокруг умывальника. Он положил два карандаша на губку и сказал: «Это – лодка, в которую забрались Фриц (его младший брат) и я». Затем он басовитым голосом –

картине (ее психологического портрета. – *Примеч. пер.*) в течение некоторого последующего времени при ее психоанализе. Анализ выявил (из глубин этого комплекса) еще один вид тревоги, который оказался даже еще более фундаментальным, – страх перед нападением со стороны ее матери, в результате которого все внутренние части ее тела окажутся похищенными, как и ее дети, а она сама окажется изнутри искалеченной (см. главу 1).

⁴⁰ Я хочу упомянуть, что эта интерпретация – как и все интерпретации пожеланий смерти при психоанализе детей – вызвала у Петера ожесточенное сопротивление. Но уже во время следующего сеанса он дал подтверждение (моим догадкам. – *Примеч. пер.*), когда внезапно спросил: «А если бы я был папой и кто-то захотел бы сбросить меня за кровать, убить и сломать меня, что бы я подумал об этом?»

⁴¹ См. главу 8.

как это часто случалось, когда в дело вступало его супер-эго, – закричал на эти два карандаша: «Вам нельзя все время быть друг с другом и делать эти свинячьи штучки!» Этот нагоняй со стороны его супер-эго в адрес его брата и его самого был также направлен на его родителей (в той мере, в какой они представлялись ему дядей Г и взрослой подружкой Е)⁴² и заново вызвал те эмоции, которые он испытал, оказавшись свидетелем первичной сцены с участием своих родителей. Это были эмоции, которым, наряду с другими вещами, он дал выход уже во время второй нашей сессии, когда захотел, чтобы лошади, которых он сталкивал тогда друг с другом, оказались мертвыми и похороненными. Но даже через семь месяцев анализ именно этих материалов оказался незаконченным. Однако ясно, что мои далеко идущие интерпретации, сделанные на достаточно ранних стадиях психоанализа, никоим образом не препятствовали выяснению связей между переживаниями ребенка и его общим сексуальным развитием (и, в частности, выявлению того, каким образом он выстраивает отношения с собственным братом) и не затрудняли проработку соответствующего материала.

Я упомянула вышеприведенные примеры для того, чтобы обосновать мою позицию, основанную на эмпирических наблюдениях, заключающуюся в том, что психоаналитику не следует опасаться делать далеко идущие интерпретации даже на самых ранних фазах анализа, так как материал, имеющий отношение к глубоким слоям сознания, будет выявляться и далее, а поэтому сможет и в дальнейшем прорабатываться еще и еще. Как я уже говорила, предназначение глубоких интерпретаций – открыть дверь в бессознательное, ослабить дополнительную тревожность и таким образом подготовить основу для дальнейшей аналитической работы.

Я все время подчеркивала способность детей к спонтанному переносу. До какой-то степени она объясняется существенно более острой тревожностью, которую ощущают маленькие дети по сравнению со взрослыми, и их большей готовностью реагировать на что-то с этой большой тревожностью. Одной из важнейших, если не самой главной, психологической задачей, с которой ребенку надо справиться и которая требует от него основных затрат ментальной энергии, является необходимость научиться тому, как справляться с собственными страхами. На уровне своего бессознательного ребенок поэтому в первую очередь оценивает объекты, с которыми имеет дело, на предмет того, будут они смягчать или вызывать тревогу; и, соответственно, он станет относиться к таким объектам с положительным или отрицательным переносом. Маленькие дети, чья предрасположенность к тревожности очень велика, как правило, немедленно выражают свой негативный перенос в виде нескрываемого страха, в то время как у несколько более старших, особенно уже вошедших в латентную фазу, негативный перенос чаще принимает форму недоверчивой скрытности или простой неприязни. В борьбе со своими страхами, связанными с ближайшими к нему объектами, ребенок становится склонен относить их на более удаленные объекты (так как такой «сдвиг» является одним из способов борьбы со страхами) и видеть в них материальное воплощение его «плохой» матери и «плохого» отца. По этой причине ребенок с сильным неврозом, который чувствует себя в опасности большую часть времени и который поэтому постоянно «оглядывается» на своих «плохих» мать или отца, будет всегда реагировать на любого чужака со страхом.

Мы никогда не должны забывать о готовности маленького ребенка реагировать страхом, что также в некоторой степени характерно и для уже подросших детей. Даже в случаях, когда в начале психоанализа они выражают свое позитивное отношение к происходящему, мы всегда должны быть готовы к тому, что негативный перенос может проявиться очень скоро; точнее, тогда, когда мы коснемся тех моментов, на которые особо влияют их комплексы. Как только аналитик почувствует малейшие знаки появления негативного переноса, он должен сделать

⁴² Он выбрал два длинных карандаша из набора, в котором были карандаши различных размеров, таким образом выражая тот факт, уже высказанный днем ранее в его ассоциациях, что эти два «преступника» – свинки – были не только он сам и его брат, но также и его родители, и что в его взаимной мастурбации он идентифицировал себя и своего брата с ними (с этими «преступниками». – *Примеч. пер.*).

все, чтобы аналитическая работа в этот момент не оказалась прерванной, чтобы понять создавшуюся ситуацию, связав ее со своей личностью и своими действиями, и одновременно попытаться с помощью своих интерпретаций «выудить» из прошлого те объекты и ситуации, которые могут стоять (для пациента. – *Примеч. пер.*) за всем этим. И постараться таким способом снизить тревожность до определенного уровня. Интерпретации следует начинать, «поймав» отправную точку в анализе бессознательного, в которой они становятся действительно необходимы, таким образом открыв путь в бессознательное ребенка. То, где находится эта точка, следует определять, исходя из множественности и частоты повторений одной и той же исходной точки игры, возможно, в разных ее формах (например, в случае с Петером во время нашей первой с ним сессии мы видели, что он выстраивал машинки друг за другом или рядом, бок о бок, и также постоянно сталкивал игрушечных лошадок, машинки, паровозики и т. д.), а также из степени вовлеченности (маленького пациента. – *Примеч. пер.*) в игры, так как все это является мерой эмоций, связанных с содержанием данных игр. Если же аналитик упустит, проглядит точку, когда его вмешательство становится действительно необходимым, что вытекает из анализируемого им материала, ребенок обычно прерывает игру и начинает демонстрировать серьезное сопротивление или даже открытую тревогу, достаточно часто выражая желание просто убежать прочь. Поэтому сделанная вовремя – то есть сразу, как только раскрытый материал это позволит, – интерпретация позволит психоаналитику обуздать детскую тревожность или, вероятнее всего, управлять ею. Все это справедливо и в тех случаях, когда аналитик начинает свою работу с позитивного переноса. Я уже изложила в деталях свои соображения о том, почему совершенно необходимо начать давать интерпретации, как только тревога или сопротивление станут явными, или в тех случаях, когда аналитик с самого начала сталкивается с негативным переносом.

Из сказанного следует, что важно не только вовремя начать свои интерпретации, но и помнить о первостепенности их глубины. Если мы руководствуемся чувством необходимости срочной реакции на исследуемый материал, то надо исследовать не только его содержание, но и те тревожность и чувство вины, которые данное содержание сопровождают, причем добраться при этом до того уровня сознания, который был активирован. Но если мы возьмем принципы психоанализа взрослого человека как модель и попытаемся в первую очередь установить контакт с поверхностными уровнями сознания – теми, которые наиболее близки к эго и к реальности, то мы потерпим неудачу, если нашим объектом, с которым мы стремимся установить психоаналитический контакт, является ребенок, а нашей целью – ослабить его тревожность. В этом убеждает меня мой собственный опыт, в рамках которого я многократно сталкивалась с подобными ситуациями. То же самое справедливо и в отношении «лобового перевода» значений символов, то есть интерпретаций, которые основываются только на символическом представлении (аналитического. – *Примеч. пер.*) материала и игнорируют факторы тревожности и чувства вины, связанные с ним. Интерпретация, которая не доходит до тех глубин, которые были активированы этим материалом и связанными с этими страхами, то есть которая не касается тех мест, где прячется самое сильное латентное сопротивление; которая в первую очередь имеет целью ослабить тревожность там, где она проявляется наиболее явно и жестко, будет неэффективной в процессе психоанализа ребенка или даже вызовет еще более яростное сопротивление с его стороны, не позволяя разрешить проблемы, соответствующие этим новым актам сопротивления. Но, как я только что старалась прояснить в своих описаниях эпизодов психоаналитических сессий с Петером, эти интерпретации [только что упомянутые] никоим образом не разрешают в полной мере тревожность, скрывающуюся в более глубоких слоях сознания, равно как и другие интерпретации, которые так быстро проникают в эти глубинные слои, не ограничивают каким-либо образом аналитическую работу, нацеленную на поверхностные уровни, то есть анализ детского эго и его связи с реальностью. Выработка отношения к реальности, а также становление эго происходят постепенно при психоаналитическом воздействии

на развитие эго. Это должно быть результатом аналитической работы, а не ее отправными точками.

До настоящего момента мы были в основном сосредоточены на обсуждении и иллюстрировании типичных примеров инициализации и хода психоаналитической работы. А сейчас мне хочется рассмотреть отдельные нетипичные трудности, с которыми мне довелось встретиться и которые заставили меня применять специальные подходы. Случай с Труде⁴³, которая была полна тревоги, когда впервые вошла в мою квартиру, научил меня тому, что с пациентами такого плана немедленно начатое интерпретирование является единственным способом ослабить их тревогу и начать последовательный анализ. Моя маленькая пациентка Рут, которой было четыре года и три месяца, была одним из таких детей, у которых амбивалентность открыто проявлялась в чрезмерной заикленности на матери и некоторых других женщинах одновременно с неприязнью к другим, обычно чужим, людям. Например, еще в самом раннем возрасте она оказывалась неспособной привыкать к новым няням; также ей было очень трудно сдружиться с другими детьми. Тревога, проявлявшаяся в виде острых приступов, не исключала постоянного тревожного состояния, сопровождавшего ее все время. В течение нашего первого аналитического сеанса она наотрез отказалась оставаться в комнате наедине со мной. Поэтому я решила попросить ее старшую сестру поприсутствовать на наших занятиях⁴⁴. Моим намерением было установление позитивного переноса для создания возможности остаться с ней наедине для дальнейшей работы; но все мои попытки просто поиграть с ней, разговорить ее и т. п. оказались тщетными. В своей игре с куклами она обращалась только к своей сестре (несмотря на то, что та оставалась к этому достаточно безучастной) и полностью игнорировала меня. Ее сестра сама сказала мне, что все мои попытки обречены на провал и что у меня нет шансов на то, чтобы завоевать ее (Рут. – *Примеч. пер.*) доверие, даже если я проведу с ней недели, а не считанные часы. Поэтому я была вынуждена принять другие меры – меры, которые еще раз дали поразительное доказательство действенности интерпретаций в деле снижения уровня тревожности и негативного переноса пациента. Однажды, когда Рут в очередной раз сосредоточилась исключительно на своей сестре, она нарисовала бокал с несколькими маленькими шариками в нем и чем-то вроде крышки сверху. Я спросила ее, зачем тут нужна эта крышка, но она мне ничего не ответила. Когда же данный вопрос повторила ее сестра, то она сказала, что крышка «не даст шарикам выкатиться». Перед этим она пошарила в сумке сестры, которую затем плотно закрыла, чтобы «ничего оттуда не могло выпасть». До этого она проделала примерно то же самое с кошельком, находившимся в сумке, – чтобы монеты из него не выскочили. Более того, тот аналитический материал, который она мне этим давала, был уже достаточно ясен даже из предыдущих сессий⁴⁵. После этого я отважилась сказать Рут, что шарики в бокале, монеты в кошельке и все содержимое сумки символизировали детей, находящихся внутри ее мамы, и что она просто хочет надежно закрыть их там, как если бы она не хотела более иметь каких-либо братьев или сестер. Эффект от этого оказался просто поразительным. Впервые за все время Рут обратила на меня внимание и начала играть в другую игру, будучи менее зажатой⁴⁶.

⁴³ См. главу 1.

⁴⁴ Если быть точнее, то это была ее сводная сестра. Она была очень интеллигентной девушкой, почти на двадцать лет старшей Рут, которая сама проходила курс психоанализа. До этого у меня уже был случай, когда мне пришлось примириться с присутствием третьего человека. В обоих этих случаях договоренности об этом были достигнуты при исключительно благоприятных обстоятельствах; но я могу сказать, что, по целому ряду причин, я никогда не буду рекомендовать подобный подход – за исключением абсолютно крайних случаев.

⁴⁵ В данном аналитическом случае желание ребенка «похитить» тело своей матери и связанные с этим чувства тревоги и вины доминировали в общей картине с самого начала. Более того, первые ее невротические вспышки последовали за беременностью ее матери и рождением ее младшей сестренки.

⁴⁶ Как уже говорилось, интерпретация повлияла на характер того, как ребенок играет, и позволила проявлениям ее аналитического материала стать более понятными.

Тем не менее для нее было все еще невозможным оставаться наедине со мной, так как она реагировала на такую ситуацию приступами страха. Поскольку я видела, что психоанализ постепенно приводит к уменьшению у нее негативного и росту позитивного переноса, я приняла решение, что сестра должна оставаться в кабинете. Но через три недели сестра вдруг неожиданно заболела, а передо мной встала альтернатива: либо прервать аналитическую работу, либо рисковать тем, что придется иметь дело с приступами острой тревоги. По согласованию с родителями девочки, я выбрала второе. Няня Рут передала ее мне перед моей комнатой-кабинетом и удалилась прочь, невзирая на все вопли и слезы. В этой душераздирающей ситуации я начала с того, что попыталась успокоить ребенка не с позиций психоаналитика, а в некой материнской манере, как на моем месте сделал бы любой обычный человек. Я пыталась успокоить ее, подбодрить и заставить играть со мной, но тщетно. Когда она осознала, что находится наедине со мной, она только смогла пройти вслед за мной в мою комнату, но, оказавшись там, я не смогла ничего с ней сделать. Она сильно побледнела, заплакала и стала выказывать все признаки сильнейшего приступа страха. Тем временем я просто села за маленький столик и начала играть сама с собой⁴⁷, все время показывая перепуганному ребенку, забившемуся в угол, что я делаю. Следуя вдруг нахлынувшему вдохновению, для своей игры я взяла тот игровой материал, который сделала сама эта девочка во время предыдущей сессии. Тогда в конце сессии она играла с умывальником, кормила своих кукол, давала им огромные кувшины молока и т. д. И вот сейчас я делала то же самое. Я уложила куклу спать и сказала Рут, что собираюсь приготовить ей (кукле. – *Примеч. пер.*) что-нибудь поесть, а далее спросила, что бы такое следует приготовить. Она прервала свой плач, чтобы бросить «молоко», и я заметила, что она сделала движение двумя пальцами (которые она имела привычку сосать перед сном) по направлению к собственному рту, но быстро прервала его. Я спросила, хочет ли она пососать свои пальцы, она ответила: «Да, но правильно». Я сообразила, что она хочет воссоздать «в подлиннике» ситуацию, которая происходит у нее дома каждый вечер, поэтому положила ее на диван и по ее просьбе накрыла пледом. После этого она начала посасывать свои пальцы. Она оставалась очень бледной, а ее глаза были закрыты, но уже стала заметно более спокойной и прекратила рыдания. В то же время я продолжала свою игру с куклами, повторяя все то, что она делала с ними в прошлый раз. Но когда я положила намокшую губку рядом с одной из кукол, точно так же, как делала она сама, Рут снова разразилась рыданиями и прокричала: «Нет, у нее не должно быть такой БОЛЬШОЙ губки, она не для детей, а для взрослых!» Следует заметить, что на свои предыдущие две сессии она приносила с собой много того, что является материалом, показывающим ее зависть к своей матери. И вот теперь моя интерпретация этого материала была связана с ее протестом против большой губки, которая символизировала пенис ее отца. Далее я показала ей в мельчайших деталях, как она завидует своей матери и ненавидит ее, потому что она захватывает внутрь себя пенис отца во время полового акта; как она хочет украсть этот пенис и детей, находящихся внутри своей матери, и убить ее. Я объяснила ей, что именно поэтому она охвачена таким страхом и думает, что либо уже убила собственную мать, либо что та оставит ее одну. В этом примере я высказывала свои интерпретации следующим образом. Я все время начинала с того, что объектом моих высказываний была кукла: я показывала ребенку, играя с этой куклой, что она боится и плачет, объясняла почему, а потом переходила к повторению этой интерпретации, только что отнесенной к кукле, перенося ее смысл на саму девочку. Таким путем я буквально конструировала психоаналитическую ситуацию во всей ее полноте. По мере того как я делала это, Рут становилась заметно спокойнее, затем открыла глаза и позволила мне поднести столик, на котором

⁴⁷ В особо сложных случаях я пользуюсь таким приемом для того, чтобы с чего-то начать свой анализ. Я обнаружила, что, когда дети выражают свою латентную тревогу тем, что до них становится совершенно невозможно достучаться, часто помогает, если я просто «выбрасываю в пространство» своего рода «стимулирующее слово», просто начиная играть сама.

я играла, к дивану и продолжить мою игру и мои интерпретации, находясь уже рядом с ней. Потом она села и стала наблюдать за развитием игры с растущим интересом и даже сама начала принимать в ней активное участие. Когда сессия подошла к концу и няня вернулась, чтобы забрать ребенка домой, то с удивлением увидела девочку счастливой и радостной, дружелюбно и даже ласково говорящей мне «до свидания». В начале следующей сессии с Рут, после того как няня отдала ее мне, она опять стала выражать чувство некоторой тревоги, но при этом не было никаких повторяющихся острых приступов страха, она не впадала в отчаянные рыдания. Вместо этого она немедленно укрылась на диване и спонтанно приняла ту же позу, что и днем ранее, закрыв глаза и посасывая пальцы. Мне удалось усесться рядом с ней и возобновить ту же самую игру практически сразу. Вся последовательность того, что происходило днем ранее, повторилась, только в сжатой во времени и более мягкой форме. А после еще нескольких сессий мы продвинулись настолько далеко, что в их начале оставались только бледные тени тех прошлых приступов тревоги и страха.

Анализ приступов страха у Рут выявил тот факт, что они были повторением ночных кошмаров⁴⁸, от которых она сильно страдала в двухлетнем возрасте. В то время ее мать была беременна, а желания маленькой девочки выкрасть нового ребенка из тела матери, убить или покалечить последнюю различными способами вызвали тогда в Рут сильнейшую реакцию, направленную против этих желаний, которая проявилась в чувстве вины, вследствие которого, в свою очередь, девочка стала ненормально сильно заиклена на своей матери. Говоря «спокойной ночи» перед отходом ко сну, она воспринимала эти слова как «прощай навсегда»⁴⁹. Это объясняется тем, что, результатом желаний ограбить и убить мать стал страх остаться покинутой матерью навсегда навсегда или никогда больше не увидеть ее живой, а может быть, найти на месте доброй и нежной мамы, говорящей ей «спокойной ночи», некую «плохую» мать, которая ночью нападет на нее саму. Это были причины также и того, почему она не могла выносить ситуации, когда ее оставляют наедине с самой собой. Быть (в одном помещении. – *Примеч. пер.*) только со мной означало для нее быть покинутой ее «доброй» мамой, а весь ее ужас перед «плохой», наказывающей матерью переносился на меня. Анализируя эту ситуацию и проливая на нее свет, я смогла – как мы видели – развеять ее страхи, снять приступы острой тревоги, что позволило в дальнейшем начать нормальную, последовательную аналитическую работу⁵⁰.

Методика, примененная мной в случае с анализом панических приступов Рут, доказала свою пригодность и еще на одном примере. Во время работы с Труде ее мать заболела и была вынуждена лечь в больницу. Это случилось как раз тогда, когда садистические фантазии этой маленькой девочки, направленные против ее матери, доминировали над всем (ее поведением. – *Примеч. пер.*

⁴⁸ См. главу 1.

⁴⁹ В своей статье «Истоки агорафобии» (1928) Хелена Дойч (Helene Deutsch) указывает на то, что страх смерти матери, проистекающий из различных враждебных пожеланий, направленных на нее, является одной из наиболее обычных форм младенческих неврозов и тесно связан со страхом насильственной разлуки с матерью и с тоской по родине (ностальгией).

⁵⁰ Терапия Рут осталась незаконченной, так как ее родители вернулись домой, в свою страну. Поэтому ее невроз не был до конца вылечен. Но за те 190 сеансов с ней мне удалось добиться следующих улучшений, которые закрепились, как я услышала спустя два года после прерывания моей работы с ней: ее общая тревожность была в огромной степени снижена, так же как и, в частности, различные формы робости, от которых она страдала. Результатом стала ее способность в лучшей мере ладить с другими детьми и со взрослыми, она оказалась полностью адаптированной к обычным требованиям повседневной домашней и школьной жизни. Ее заикленность на своей матери снизилась, а отношение к отцу – улучшилось. Также произошел решительный поворот к лучшему в ее отношении к своим брату и сестрам. Все ее развитие, особенно в том, что касается способности к обучению, социальной адаптации и способности к сублимации, с тех пор протекало в благоприятном направлении.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.